

НАТАЛЬЯ КОРНЕВА

ЮВЕЛИР ГЕНЬ СЕРАФИМА

18+

ИНЫЕ ЛЮДИ ПОДОБНЫ КЛИНКАМ.
КАК ЖИТЬ С ЭТИМ, ОТЧЕ?

Наталья Сергеевна Корнева
Ювелир. Тень Серафима
Серия «Тёмное фэнтези Young Adult»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67955526

Ювелир. Тень Серафима: SelfPub;

ISBN 978-5-17-156777-4

Аннотация

Ювелир – не последний человек в мире, где магия заключена в драгоценных камнях. Работа ювелира всегда востребована – и всегда безнадежна, как всякая игра со смертью.

Работа ювелира – рисковать. Увы, не каждый раз удача улыбается смелым. Иногда исполнить заказ гораздо сложнее, чем полагаешь. Иногда можно оказаться всего лишь пешкой в чьей-то большой игре, цели которой не сразу понятны. Иногда бывает по-настоящему страшно... нет, не умереть – потерять себя.

...Так что же, сапфиры? Классические васильково-синие или редкого цвета закатного солнца? Хрупкие зеленые изумруды или же яркие, насыщенные рубины оттенка «голубиная кровь»? А может, и вовсе баснословно дорогие цветные алмазы?

Содержание

Сердце Серафима	5
Предисловие от автора	6
Глава 1,	8
Глава 2,	26
Глава 3,	47
Глава 4,	64
Глава 5,	82
Глава 6,	102
Глава 7,	119
Глава 8,	135
Глава 9,	152
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Наталья Корнева

Ювелир. Тень Серафима

© Наталья Корнева, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Сердце Серафима

*Вокруг меня призраки – визгливы их голоса.
Вокруг меня призраки – слышать их не желаю.
Как долго искал я Бога – но Бог всегда ускользает,
И кажется мне порою – не призрак ли я сам?*

*Цветет весенняя Пустошь – бел аконит в волосах.
Любовью и злобой мне кровь отравить пытались,
Но глупое сердце бьется – и больше всего страдает,
Когда ни любви, ни злобы не видно в живых глазах.*

*Вокруг меня призраки – как жаль, что я не умею
Спасти их, наполнить сердцем пустых оболочек лед.
Пусть призрачные иллюзии мой честный клинок
развеет.*

*Отравлен медвяный вереск, но кровью очищен мед.
И медом сочатся раны, и медом молитвы зреют.
Цветет весенняя Пустошь – и сердце мое цветет.*

Предисловие от автора

Дорогие друзья!

Вы держите в руках мою первую книгу.

Это история одного мира, в которой, на фоне разворачивающихся глобальных событий, акценты расставлены на личностных трудностях, внутренних переживаниях и трансформациях героев.

Можно сказать, это история пути души.

Она пришла мне в голову уже очень давно и с тех пор осталась в моей жизни. Есть чувство, что всё это на самом деле существует в каком-то слое реальности, происходит где-то в одном из бесконечного множества вариантов вселенной. Мне нравится думать, что этот мир жив. Он живет в том числе и благодаря тому, что книга о нем написана и вы читаете ее. Таким образом мы можем заглянуть в иное, выйти за границы обыденности и оказаться в торжественно-мрачном Ледуме, а затем – в блистательной и пышной Аманите.

Надеюсь, Ювелирный мир станет и вашим миром тоже. Наука тут уживается с магией, а святая вера, не желая сдавать позиций, сеет страх и террор. Любовь превратилась в товар, а искренние чувства редки – и всегда идут под руку со смертью.

Краеугольный камень этого мира – город Ледум, ледяной алмаз Севера. Он прорастет сквозь вас – незаметно, как хищ-

ный сорняк, так крепко, что нельзя вырвать. Вы будете любить его или ненавидеть, а скорее всего – и то и другое сразу.

Добро пожаловать в Ледум!

Глава 1,

в которой все только начинается

– Прошу прощения, сэ.р. Гость, которого вы ожидаете, прибыл.

На полированном письменном столе царил образцовый порядок. Толстые, увесистые связки писем, стопки крепко сшитых листов, сафьяновые тетради, книги в мягких шагреневых переплетах, разных мастей описи – идеально организованные бумаги на любой вкус, если тот в достаточной степени извращен педантизмом. Сам стол мог бы служить, пожалуй, достойным экспонатом в музее занимательной бюрократии, существуя таковые в Ледуме. Он представлялся не просто столом, нет: столь приземленное, оскорбительное слово определено умалило бы его значение! Он являл собою начало системы координат, эпицентр событий.

Ни дать ни взять точка отсчета, в разные стороны от которой расплескалась рабочая комната.

Трудящийся за столом человек также выглядел образцово. Преувеличенно аккуратным жестом он закрыл чернильницу и отложил в сторону только что законченный лист. Не отрывая от своего детища глаз, молча вставил в футляр приметное серебристо-белое перо: на раздвоенном наконечнике из легкого металла красовалась затейливая гравировка.

Ализариновые чернила высохали, переходя из зеленоватого в интенсивный иссиня-черный, принятый для большинства официальных документов. Когда последний выведенный каллиграфическим почерком знак приобрел бархатный, приятный глазу оттенок индиго, Кристофер накрыл его чистой бумагой и, немного поколебавшись, извлек из ближнего выдвижного ящика револьвер. Удобнее устроив рукоять в ладони, словно бы привыкая к опасной тяжести, он жестом велел камердинеру включить люстру.

Сегодня с делами пришлось припоздниться. В полумраке массивная бронзовая с хрусталем конструкция казалась тучным телом повешенного, застывшим в петле в неэстетичном посмертном окоченении. Не слишком-то добрый знак, когда повсюду мерещатся покойники, однако вполне объяснимый.

И это лишь легкие, невинные отголоски всеобщей истерии последних дней!

Вздыхнув, Кристофер посмотрел вверх злополучной люстры, дабы отвлечься от мрачных ассоциаций. Узорчатым куполом над ним расцветал потолок: высокий, бессовестно расписной и выложенный превосходными мозаичными панно – таким и полагалось быть потолку приличного замка.

Что уж говорить, во всей Бреонии маловато нашлось бы архитектурных сооружений, способных соперничать с официальной резиденцией правителя Ледума. Она производила на посетителей неизгладимое впечатление – и, надо признать, вполне заслуженно.

И дело тут не в великолепии замковой стены, не в фасаде, размеренном сложной формы пилястрами и арками, обильно украшенном барельефами и золочеными резными карнизами. Не в изысках фронтовой композиции и декоративных деталей вроде междуоконных ниш, ваз и величавых скульптур на крыше. И даже не в богатстве внутреннего убранства, поражающего воображение самых искусственных ценителей красоты.

Конечно, все это было немаловажно, но самое главное – явленная роскошь, при всей ее головокружительности, демонстрировала утонченность и безупречно строгое чувство стиля.

Кристофера это вполне устраивало.

Прохладные весенние сумерки уже заползли в кабинет, но новомодное электричество без труда выдворило их обратно. Вот она, сила современной науки! Искусственное освещение не оставляло теням ни шанса. Оно смело меняло пропорции, делая очертания предметов резкими, бритвенно-острыми; играло не только контурами, но и красками.

Кристофер с удовлетворением вгляделся в происходившие вокруг метаморфозы. Комната преображалась как по волшебству. Холодные цвета темнели и незаметно меняли оттенки: лиловые чуть краснели, голубые казались серебряно-серыми, синие – невыразительными и тусклыми. Теплые тона, наоборот, охлаждали и блекли: алые выглядели значительно более фиолетовыми, оранжевые – коричневатыми,

а в желтых нет-нет да и просвечивала зеленца.

Конечно, живой свет огня выглядел естественнее и приятнее глазу, он создавал знакомое всем с детства ощущение уюта. По этой причине многие до сих пор предпочитали свечи, но Кристофер не был ретроградом.

Отнюдь.

– Пригласи его, Патрик.

Нервным движением Кристофер поправил муслиновый шейный платок – верный признак принадлежности к высшему свету. Стоит отметить, что тот и так был повязан безукоризненно, по всем правилам нынешней моды. Белый цвет освежал и удачно завершал продуманный до мелочей образ аристократа, добавляя тщательно рассчитанную нотку небрежности. Белый цвет – это всегда изыск, шик.

Вошедший был невысок и худощав – остальное скрывали плащ с высоким плотным воротом и броская широкополая шляпа. Вид револьвера в руке Кристофера ничуть не смутил пришельца – похоже, он привык к подобному специфическому гостеприимству. Гость коротко поклонился и замер, но бездействие это казалось каким-то нестабильным, текучим. Будто в любой миг оно может с легкостью перейти в совершенно неожиданную и оттого неприятную активность.

– Разве тебе не предложили оставить верхнюю одежду, Себастьян?

Голос прозвучал хорошо, без опасения и неприязни. Разумеется, вопрос был риторический: по специальному рас-

поряжению хозяев гостя пропустили без обыска. Демонстрация доверия – в интригующих складках плаща можно при желании схоронить хоть сам вход в преисподнюю, не то что какой-то там вполне себе земной арсенал.

По натуре своей Кристофер был дипломатом и не хотел без нужды провоцировать конфликт. Требование разружиться, неизбежный отказ, препирательства со стражей... вся эта вульгарная суета сорвала бы разговор еще до начала.

С другой стороны, оружие, открыто взятое им самим, четко обозначало позицию хозяев и готовность к любому развитию событий. Пусть даже этого «развития», само собой, хотелось бы избежать.

Оставалось надеяться, что и у визави его хватит ума воздержаться от необдуманных слов и поступков.

Кристофер продолжил придирчиво рассматривать вошедшего. Он видел наемника впервые, но был более чем наслышан. Откровенно говоря, тот не производил впечатления. Не оправдывал, так сказать, щедро подпитанных воображением ожиданий. Не приходилось сомневаться: профессиональные качества гостя действительно на высоте, однако непрезентабельный внешний вид... вот то небольшое, чего Кристофер не мог простить. Да хоть бы шляпу свою, невежа, стянуть удосужился!..

Увы, когда речь шла о людях подобного происхождения, рассчитывать на манеры просто глупо. Кристофер едва удержался от презрительной гримасы, но привычка соблюдать

придворный этикет помогла сохранить на лице неизменное прохладно-благожелательное выражение.

– Я встречаюсь с клиентами только на нейтральной территории, – не ответив на заданный вопрос, спокойно заметил Себастьян, – но личное письмо правителя Ледума – с определенными гарантиями – заставило меня изменить принципам.

Очень сдержанно Кристофер улыбнулся – насколько того заслуживал простолюдин. О каких еще принципах осмеливается рассуждать тот, единственный вопрос которого на любой заказ – «Сколько?» И двадцать пять золотых, щедрой рукой приложенные к письму, наверняка сыграли не последнюю роль.

Но вслух он сказал другое:

– И мы не привыкли приглашать лис в курятник. Нас вынудило дело особой важности.

Себастьян с готовностью кивнул. От резкого движения непослушные вихры растрепались, донельзя раздражая педантичного Кристофера. В художественном беспорядке на голове угадывалось дерзкое, недопустимое свободолобие. Но беспорядок всегда следовало устранять: и в волосах, и в мыслях. А цвет-то, цвет!.. Светло-светло-рыжий, отливающий то золотом, то блестящей медью, – прозрачное пламя.

А вот это уже примечательно. Такие краски действительно нужно скрывать: они не просто символичны, они... выдают многое.

Кристофер нахмурился. Чересчур увлекшись своими мыслями, он не углядел, когда Себастьян успел-таки снять шляпу. Но ведь... кажется, он смотрел на того неотрывно?

Возможно ли, что взгляд его сумели отвести?

Похоже, слухи о некоторых необычных способностях знаменитого ювелира – все-таки не просто слухи.

Что ж, тем лучше для поручения, которое Кристофер собирался дать.

– Речь идет не о рядовом заказе, как ты понимаешь, – издалека приступил он, не торопясь переходить непосредственно к делу. – Нам нужна информация. Информация о твоих недавних сделках.

Себастьян отрицательно качнул головой, будто нарочно порождая новую волну хаоса на голове – и новую волну тщательно спрятанного собеседником невольного раздражения. Кристофер был почти готов увидеть в глазах гостя лукавство, но тот, хвала всем богам, догадался опустить взгляд.

– К сожалению, такая информация не продается, – просто ответил Себастьян. – Никогда. Клиенты должны быть уверены в полной конфиденциальности услуг, которые я предоставляю.

– Мы понимаем, что интересы клиента – дело святое, – холодно согласился Кристофер, хотя тон его весьма красноречиво говорил об обратном. – Но не спеши отказываться от сотрудничества, Себастьян. Лорда Эдварда интересует только самый последний заказ, исполненный не далее двух дней

назад. Кто заказал тебе черный турмалин? Достаточно ответить на один-единственный вопрос, и мы вознаградим тебя, не скупясь. Не торопись. Подумай дважды. Ты знаешь, от чьего имени я говорю. Стоит ли делать августейшего правителя Ледума своим врагом?

Ожидая реакции, Кристофер внимательно следил за гостем. Угрожать ему отчего-то совершенно не хотелось. Себастьян не имел внушительного или грозного вида, но что-то не давало Кристоферу вернуть утраченное чувство безопасности. Здесь, в собственном тщательно охраняемом кабинете, с заряженным револьвером в руках, он не был защищен в должной мере. Сам не понимая зачем, большим пальцем аристократ медленно взвел курок и хорошенько прицелился. Смутная, неуловимая тревога нарастала, не оставляя теперь и тени сомнений: перед ним Серафим.

Тот самый.

Палец едва заметно подрагивал на спусковом крючке.

– Хорошо. – Гость все-таки поднял взгляд, и Кристофер замер: зеленые глаза смотрели на него безо всякого выражения. Они были пусты и будто вбирали все, чего касались, – как всякая пустота, стремясь к наполнению. Густой, странный цвет нездешнего завораживал. – Поскольку ответ никому не повредит, я отвечу. Черный турмалин не заказывали у меня последние восемь... пожалуй, даже девять месяцев. Камень этот широко распространен, но при этом прихотлив и капризен. Мало кто хочет возиться.

Подумав, нарочито ленивым движением Кристофер отложил револьвер на широкую столешницу. Разговор протекал довольно-таки мирно, и долго держать под прицелом собеседника, не проявляющего и намека на агрессию, казалось глупым.

Стоит заметить, подобные скоропалительные выводы иногда могли стоять жизни в том не прощающем ошибок мире, откуда явился его гость.

– В таком случае...

Кристофер на минуту замолк, раскуривая длинную тонкую сигару.

– ...Милорд желает тебя нанять. Мы заплатим тысячу золотых, если сумеешь найти черный турмалин, который был заказан недавно у кого-то из твоих коллег. В крайнем случае выясни имя заказчика. Гонорар тот же при условии, что факты будут предоставлены неоспоримые.

– Половину суммы сразу.

– Патрик выдаст деньги.

Кристофер глубоко затянулся, и – отразившееся на лице удовольствие давало понять – вовсе не табаком. Аристократ знал, что электрический свет выгодно усиливает благородные контрасты его внешности: загорался холодным пламенем черный оникс волос, а кожа начинала сиять ярко, как бледное серебро. Должно быть, приглашенный наемный ювелир на все кругом смотрит именно так, сквозь призму своей профессии.

– Но есть нюанс, – веско добавил Кристофер. – Срок исполнения заказа – двадцать восемь дней. Это важно. Как только луна родится вновь, наш договор потеряет силу. В этом случае задаток придется вернуть.

Он выжидающе посмотрел на гостя. Тот, однако, был невозмутим.

– За срочность я беру еще десять процентов сверху. Это устраивает?

Не прерывая новой затяжки, Кристофер без слов кивнул. Как известно, торговаться среди ювелиров не принято. Намник называет цену – заказчик соглашается. Либо отказывается и ищет другого специалиста. Все просто.

– По рукам, – подвел итог Себастьян, хотя это было исключительно условное выражение – рук они не пожали.

– Теперь, когда мы достигли соглашения в главном, осталось обсудить детали. – Плавные линии губ сложились особым образом, выдыхая чуть сладковатый опиумный дымок.

Кристофер прикрыл глаза и, наконец расслабившись, откинулся назад, вальяжно скрещивая руки. Вся поза его говорила, что он беседует с подчиненным. Может, привычка, а может, аристократ не позволял и на мгновение позабыть о лежащей между ним и гостем непреодолимой социальной пропасти. Как бы то ни было, вопросы неравенства мало заботили Себастьяна: словно отвергая установленный порядок вещей, он держал себя спокойно и уверенно. Столь спокойно и уверенно, что это казалось почти вызовом.

– Ты узнаешь все, что необходимо.

– Это обнадеживает. – Наемник, однако, не спешил задавать вопросы.

Стремясь извлечь из разговора как можно более полную информацию, он выдержал небольшую паузу, обдумывая принятое предложение. Прямота и неподвижность взгляда, нацеленного точно на Кристофера, заставляли усомниться, что Себастьян замечает что-либо вокруг. Но то было обманчивое впечатление. На деле же взгляд ювелира охватывал картину целиком, фиксируя мельчайшие нюансы, впитывая частности, как губка.

А посмотреть здесь было на что.

Окружающая обстановка смело выходила за распространенные в высшем обществе каноны, немногим отличаясь от театральных декораций. Эксперименты с цветом были на самой грани. Себастьян неизменно обращал внимание на цвет, и не из пустого любопытства: такой выбор говорил о человеке многое. Больше, чем глаза или даже руки, которые можно научить лгать.

Предпочтения Кристофера сложно было назвать банальными: без сомнений, они удивили бы обывателя.

Заднюю стену кабинета оформили в плотном вишневом, от коего невозможно было оторвать глаз: цвет притягивал магнитом. Три другие стены, алебастровые, незаметно перетекали друг в друга, словно лилии на гербе Ледума.

Рядом с белым, решительно раздвигающим пространство,

насыщенный цвет вишни выглядел впечатляюще, углубляя и затемняя помещение. В серебристых поверхностях мерещилось нечто гипнотическое. Под разным углом зрения на стенах проступали и тут же пропадали причудливые геометрические рисунки. И хотелось, и невозможно было уследить за переплетениями их линий: те будто заставляли всматриваться в себя снова и снова, как в бездну, ища неуловимо ускользающее.

Величественные – от пола до потолка – ломаные арки окон нависали почти угрожающе, но и в этой угрозе проступало изящество. Не позволяя им чрезмерно отяготить интерьер, мельчайшие блески слюды искрами пронизывали многоцветие витражей.

Недавно вошедший в моду монотонный паркет казался средоточием тьмы, в которую можно погрузиться: провалиться в самую преисподнюю или, во всяком случае, разглядеть отсюда ее кипящие смолы. Но на поверку выяснялось, что прямые лучи света позволяли проявиться в этой мрачной черноте благородному красному пигменту. Его иногда называют цветом адского пламени, но Себастьян не очень-то любил пышные метафоры.

Передвижная ширма, сама по себе бывшая произведением искусства, изящно огораживала небольшую часть кабинета. Современный декор из стекла и металла во всем своем великолепии! Прозрачные узоры из стилизованных лепестков жасмина приглушали яркость задней стены при дневном

освещении и, наоборот, усиливали ее при искусственном. Сейчас жасминные цветы сверкали и переливались хищно, как их плотоядные сородичи из Лесов Виросы.

Во всем оформлении проскальзывало что-то неуловимо гастрономическое: сахарные стены, вишня со льдом... Холодно и сладко одновременно.

Столь авангардный стиль официального рабочего кабинета с головой выдавал в хозяине молодого человека с нестандартным вкусом. Себастьян, привыкший ничего не оставлять без внимания, и это взял на заметку.

Стоило совсем немного поразмыслить, слегка утрудить себя интересом, как, образованная кажущимися противоречиями, открывалась внимательному взору внутренняя гармония. Себастьян по достоинству оценил ее.

– Как я понял из суммы, – полуутвердительно предположил он, решив не испытывать дольше терпение Кристофера многозначительным, но малопродуктивным молчанием, – лорду-защитнику вряд ли требуется сам камень? Правитель Ледума владеет множеством разновидностей турмалинов, в том числе и парой первоклассных шерлов-близнецов, известных как «Глаза Дракона». Более крупных и древних экземпляров мир не знает.

– Ты хорошо осведомлен, ювелир, – сдержанно похвалил Кристофер. Прозрачные глаза его заглядывали глубоко, в то же время не создавая ощущения назойливости или даже легкого беспокойства. Ценное качество. – Не зря тебя многие

считают лучшим. Однако один из «Глаз Дракона» был похищен и... использован для магического нападения. Чуть больше суток назад, в сакральный час новолуния.

Смахнув с обшлага несуществующую пылинку, Кристофер убедился, что одна из пуговиц традиционно не застегнута, и улыбнулся удовлетворенно, хотя по-прежнему невестело.

– Невероятно, – не смог скрыть удивления Себастьян. Впрочем, непохоже, что он пытался его скрыть. Случай-то был – из ряда вон.

– Когда-то шерлы были единым целым, – негромко продолжил Кристофер, тщательно подбирая слова, – и сохранили сильную связь. Похититель воспользовался одним минералом, чтобы нанести удар по второму, а через него – по владельцу. Как специалист ты, конечно же, помнишь, что турмалины дольше живут в серебре – металле, соединенном с великой силой луны. Они были вставлены в перстни, один из которых правитель подарил младшему сыну, когда тот появился на свет. Каким-то образом Эдгар перепутал шерлы... по счастливой случайности, в тот роковой день надел отцовский перстень.

– Счастливая случайность? – Себастьян оторопел. Как такое вообще возможно? Это ж при каких таких обстоятельствах младший сын правителя умудрился схватить не свой «Глаз Дракона»? – Сомневаюсь, что он был очень этим обрадован.

– Эдгар уже ничему не сможет обрадоваться. Он мертв.

Страхнув пепел, Кристофер привычным движением затушил окурок. Свинцово-серая пепельница была полна, превратившись в настоящее кладбище сигар, и опиумное марево поднималось над ней подобно священному ладану. Кристофер питал пристрастие к абстракциям: затейливые формы давали большой простор для фантазии.

– С завершением лунного месяца энергетика минералов обновится, и даже лорд-защитник не сумеет ничего узнать у них. – Аристократ переплел холеные пальцы, будто невзначай демонстрируя пару перстней с довольно опасными камнями, до того скрытых обильной бахромой кружева.

Ни к чему – Себастьян и без того давно чувствовал их силу, неразличимую для простого смертного. Так чует опытный змеелов затаившуюся в темноте гадюку. Голоса минералов звучали будто издалека, неразборчивые, как шум ветра за ставнями. Но Себастьян знал: если понадобится, они зазвонят высоко и чисто.

– Это произойдет уже скоро, – продолжал Кристофер. – Надеюсь, ты сумеешь всю серьезность ситуации?

Да Себастьян разве что не присвистнул, в должной мере оценив упомянутую серьезность. Какой-то умелец не просто забрался в карман самому правителю Ледума и чудом остался жив, он еще и сына его ненароком прикончил. Неплохая попытка. И то, что она провалилась, могло объясняться только феноменальной неудачливостью – либо горе-заговор-

щиков, либо Эдгара, погибшего много раньше положенного срока.

Ох, и в нехорошее же дело он вляпался.

– Ну что ж... – Себастьян нехотя отвлекся от картин, которые уже начало рисовать не в меру разыгравшееся воображение: тихая, покорная паника в высшем свете, вялотекущее расследование, неизбежно последующее за этим громкое разоблачение очередного заговора. И казни, казни – принародные, красочные. Страшные. Давненько жителей Ледума не баловали подобными представлениями. – Возможно ли предоставить предметы, имевшие недавний контакт с украденным минералом? Шкатулку, где он хранился, к примеру? Или кусок защитного тканевого покрытия?

– Я дам тебе кое-что получше, ювелир.

Качнувшись вперед, Кристофер взял в руки все это время стоявшую на столе неприметную серую коробочку. Тихо щелкнула потайная пружинка, и крышка шкатулки распахнулась призывно, как дверь в светлое будущее. Себастьян, однако, не отреагировал на приглашение. Не было нужды двигаться с места: какая-то пара метров до артефакта не могла помешать разглядеть и проанализировать каждую мелочь.

Взгляд Себастьяна буквально впился в перстень, блеснувший на тусклом от времени бархате. Восмиугольной формы минерал был крупным – около десяти карат или даже больше – и имел ярко выраженный зеркальный блеск. Цвет – чистый, сочный, что для турмалинов большая редкость.

При этом по кристаллу параллельно друг другу проходили довольно глубокие трещины. Они сильно отражали свет, играя окраской... и все-таки камень был черен – как полночь новолуния. Октагональную ступенчатую огранку выполнили профессионально. Оправа – серебро высшей пробы.

Хорошая работа.

– Перед тобой личный перстень милорда, один из пары «Глаз Дракона», – на всякий случай пояснил Кристофер, очевидно, все еще немного сомневаясь в сообразительности простолюдина. – Мы сняли его с тела Эдгара... с некоторым трудом. Для этого пришлось ампутировать палец. Два шерла имеют одну энергетическую природу. Ты ведь сможешь найти один, имея на руках второй?

– Определенно, это должно помочь, – уклончиво отозвался Себастьян, продолжая разглядывать редкий камень, будто ощупывая его взглядом. – А что послужило причиной гибели?

– Симптомы как при асфиксии, – произнес Кристофер после непродолжительного молчания. Видимо, раздумывая, стоит ли делиться такой деликатной информацией. – Избыток углекислоты в крови, кровотечение верхних и нижних дыхательных путей, темная жидкость в области сердца и легких... общий внешний вид, характерный для удушенника. Официальное медицинское заключение гласит: кончина наступила в течение трех, максимум четырех минут от мощного индивидуально составленного проклятия.

– Шерл проклят?

– Да. – Резко захлопнув шкатулку, Кристофер вернул ее на место. – Так что будь с ним... аккуратнее. Впрочем, не мне учить профессионала.

Легкий оттенок насмешки в голосе прозвучал почти ласково, но Себастьян, кажется, не обращал ни малейшего внимания на врожденную аристократическую надменность. Сильное расслоение общества давало одним права, а другим – только обязанности, и с этим ничего нельзя было поделать.

Приблизившись к столу, Себастьян взял коробочку с секретом в руки, осторожно, словно она могла взорваться.

– Говорят, ювелиры чувствуют камни не хуже, чем гончие – зверя, – негромко заметил Кристофер, недвусмысленно давая понять, что разговор окончен. Потянувшись к маленькому колокольчику, он вызвал камердинера и указал глазами на дверь. – Лорд Ледума очень рассчитывает на это. На твоём месте я не осмелился бы разочаровать его.

Глава 2, ***в которой как снег на голову*** ***сыплются первые неприятности***

Покинув дворец правителя, Себастьян глубоко вдохнул и, смакуя, потянул выдох. Массивные ворота закрылись за ним почти бесшумно, высокие стены надежно скрыли своих обитателей. Или, по крайней мере, им хотелось бы так думать.

Большие белые хлопья тихо парили в воздухе, превращая вечерний Ледум в нарядную готическую сказку. Было довольно-таки тепло, и снег таял, едва коснувшись земли. Капли воды, похожие на жемчуг, тут же застряли в волосах. Такие же сверкающие ледяные капельки мгновенно облепили плотную шерсть плаща. Промокшая ткань отяжелела.

Чертыхнувшись, Себастьян надел шляпу и обратил лицо вверх – с неба словно стекала белая гуашь. Это было красиво. Частый, густой снег и не думал прекращаться, несмотря на то что календарная весна была в самом разгаре. Погода в полисах часто чудила: от непрерывного использования магии драгоценных камней давно нарушился естественный энергетический баланс. Что поделать, истощение ресурсов и разрушение окружающей среды – побочные эффекты могущества. За все приходится платить.

Надоевшее, но чертовски правдивое клише.

Приятная тяжесть полутысячи золотых сглаживала осадок от разговора с Кристофером. В конце концов, Себастьян здорово рисковал, заявившись сюда, в святая святых. Поглядеть на главу ювелиров Ледума вживую было, безусловно, интересно. Рафинированный тип. И до чего же забавно делал вид, будто умеет обращаться с оружием! Но убедительно, тут не поспоришь.

Менее наметанный глаз, может, и не заметил бы, что револьвер он держит так аккуратно и церемонно, как чашку из воздушного фарфора. Да и сама модель, по правде говоря, не слишком-то подходила для перестрелки в помещении, скорее, дорогой дуэльный вариант.

Но Кристофер был еще слишком молод и на должность назначен не так давно, чтобы успеть набраться опыта. Простим ему эту очаровательную неискушенность в некоторых вопросах.

Неизвестно еще, какое именно впечатление сам он произвел на главу службы ювелиров.

Шутки шутками, а с драгоценными камнями, как говорят, у Кристофера выходило лучше: он умел манипулировать минералами самого высокого ранга. Более того, даже расправься с ним в случае чего, выбраться из дворца было бы Серафиму ой как непросто – и уже совсем не смешно.

Однако долой лирические отступления. В конце концов, рисковать жизнью – это повседневная работа. Поставленную задачу нужно решить в короткие, четко обозначенные сро-

ки. И вроде бы все предельно ясно... но опыт подсказывал Себастьяну: она позаковыристей будет, чем привычный поиск драгоценного камня.

Снег все усиливался. К нему добавился холодный ветер четвертого лунного месяца, только вступившего в свои права. Прошагав с минуту и успев продрогнуть, Себастьян запрыгнул в свободный двухместный кэб и назвал кучеру адрес.

Мысли текли неторопливо. Какой странный выбор минерала для проклятия. Какая странная смерть. Черные турмалины способны отражать любые негативные влияния извне, будь то болезни или чужой злой умысел. Мастера используют их исключительно для создания защитной ауры, филигранно парируя магические атаки. Себастьян был далеко не дилетант, но никогда не слышал об иных свойствах шерлов, равно как и о прецедентах применения их для каких-то других целей.

Ведь это же нонсенс – использовать для атаки камень, предназначенный целиком и полностью для защиты! Это противоестественно. Видно, совершивший неудачное покушение на жизнь правителя – большой оригинал и вдобавок любитель занимательных парадоксов.

Дело обещает быть интересным.

Себастьян бросил взгляд в окно. Пейзажи благополучного и сытого центра Ледума сменялись домами крепких середнячков, жилищами поскромнее и, наконец, перешли в

откровенные трущобы, тесно застроенные убогими нищенскими лачугами. Стены были густо покрыты грязью и копотью, газовое освещение улиц пропало. Кое-где виднелись чадающие днем и ночью фабричные трубы из рыжего кирпича, смог усилился. Нанятый экипаж увозил на самую окраину, в беднейшую часть города. Себастьян поселился в неприметной гостинице «Старая почта». Она действительно старая, а вот почтовые кареты давно уж не рисковали останавливаться там на ночлег. Даже странно, что кучер вообще согласился отправиться в неблагополучный район, да еще и в темное время суток.

Словно услышав его размышления, кони перешли на шаг и встали.

– Дальше не поеду, – буркнул извозчик, рывком открывая дверцу.

Вообще говоря, прогресс не стоял на месте, и в Ледуме все больше набирали популярность механические экипажи на паровом приводе, но Себастьяну они не пришлись по душе. Да и старомодные кэбы, стремясь выдержать конкуренцию, прилично сбросили цены. Хотя вряд ли это поможет бедолагам удержаться на плаву.

Выбравшись в промозглую ночь, Себастьян молча сунул деньги в протянутую мозолистую ладонь. До «Старой почты» оставалось немного – минут десять топать по булыжной мостовой, и это если не торопиться.

Он торопился.

Владелец гостиницы расплылся в дежурной услужливой улыбочке, из-за стойки приветствуя запоздалого постояльца.

– Ужин в номер, все как обычно, – проронил ювелир, на ходу стягивая выдавшие виды перчатки из грубой кожи.

– Немедленно распорядись, сэр.

– Меня никто не искал?

– Хм, по правде говоря, расспрашивала тут одна дамочка, – приглушенным голосом признался хозяин. – Просила сообщить, как только появитесь.

– Вот как? – Себастьян мгновенно собрался, хоть и не подал виду. Уж очень не любил он непрошенных гостей. Общение с людьми вообще приносило непозволительно мало приятных моментов. – И где она сейчас?

– За вашей спиной, сэр... Вон, в самом углу зала. За дальним столиком.

Ювелир непринужденно обернулся. Полумрак и табачный дым стояли в воздухе, протянувшись между столами слоями грязной вуали. Казалось, в них можно завернуться или даже испачкаться, случайно задев рукавом. Редкие чадающие светильники мало способствовали четкости зрения, однако Себастьян мог бы поклясться, что никогда прежде не встречал одиноко сидящую у окна молодую женщину. Это не было ни хорошо, ни плохо, просто факт, который он отметил про себя.

– Уж не меня ли ждете, сударыня? – Как ни в чем не бывало Себастьян присел рядом, дабы не привлекать внимания

немногочисленных засидевшихся допоздна гостей «Старой почты».

Карие глаза незнакомки испуганно расширились, длинные ресницы дрогнули. Разумеется, она не заметила, как он приблизился. Да и кто бы заметил, в самом деле?

– Прошу прощения... – Взгляд гостьи скользнул куда-то мимо, видимо, на обещавшего ей помощь хозяина. Скорее всего, тот кивнул, подтверждая ее догадку, и взгляд тут же вернулся на место, упершись наемнику прямо в лоб. – Так, значит, вы – Сераф... ой!.. Себастьян?

– Он. С кем имею честь?..

– Меня зовут София.

Женщина казалась взволнованной. Бархатистая кожа лица порозовела, сделавшись совершенно персиковой. Ювелир и не предполагал, что такое может встречаться в реальной жизни, не только в фантазиях льстивых придворных портретистов.

– Мне нужно поговорить с вами, сэ... наедине. Думаю, здесь не самая подходящая обстановка.

– Тема разговора?

– Ваша профессиональная деятельность.

Себастьян критически осмотрел Софию. Она была молодая, даже слишком. Красива тоже, пожалуй, слишком: глаза чуть раскосые, уютного теплого оттенка, край зрачка в золотых точках, будто в расплавленных капельках янтаря. Золотистые волосы, мягкие даже на вид. Маленькие милые вес-

нушки, такие идеальные, что кажутся нарисованными. Полные губы. Руки нежные, ухоженные, чуть заостренные ногти покрашены в тон шампанского. Тонкая фигурка словно соткана из солнечного света, что смотрится даже неуместно в такой-то грязной дыре. Дорожный костюм из фактурного твида цвета беж, почти скрытый не в меру длинным и широким плащом, пошитым, однако, превосходно.

Итак, мед, молоко, топленый шоколад. Кукольная внешность.

Все это сразу и безоговорочно насторожило. Ну не похожа она была на мага или посредника – уж этого брата он повидал. На наемного убийцу тоже не тянет. А простые смертные едва ли могут оплатить его услуги. Хотя... и на простую смертную она, черт ее побери, не похожа.

Разумеется, весьма поверхностно судить о человеке по наружности, однако раз за разом Себастьян убеждался, что первое впечатление редко бывает ошибочным.

– Как вы меня разыскали?

София улыбнулась, чуть отведя глаза в сторону. Что это еще – кокетство? С кем, с ним? Показалось, наверное.

– Вы лучше многих знаете, что любую информацию можно купить, если знать, к кому обратиться, – промурлыкала она.

«И иметь достаточно средств», – добавил про себя Себастьян, склоняясь все-таки к тому, чтобы выслушать загадочную гостью.

Действительно, торговцев информацией нынче более чем достаточно. И в среде людей, далеких от приличного общества, число их продолжает расти. Другое дело, что настоящих профессионалов единицы и такие повсюду на вес золота. Сам Себастьян давно отыскал пару-тройку своих золотых песчинок в этой груде грошового шлака.

– Предлагаю подняться, – пожал плечами ювелир, вставая. – Не вижу смысла откладывать, раз вы уже здесь.

– Согласна.

Комната Себастьяна ничем не отличалась от других таких же номеров в дешевых придорожных гостиницах. На своем веку он повидал их немало, нигде не задерживаясь больше, чем на неделю-полторы. Безопасность диктовала свои условия. Гостиницы сливались в памяти, смешивались, складывались в некий усредненный образ, архетип, впитавший все наиболее часто повторяющееся.

– Приступим к делу, – прямо сказал ювелир, галантно пропуская даму вперед. Плотно закрыл за собой дверь, отворачиваясь от скрипнувшую петлями. – Время позднее, и никто из нас, надеюсь, не хочет тратить его впустую.

София обернулась.

– Вы должны мне помочь, Себастьян.

Своими глазами, будто гипнотизируя, она снова смотрела в упор. Похоже, просто не умела смотреть иначе.

Начало не понравилось ювелиру. Нет, не так: очень, очень не понравилось. Во-первых, он ничего не должен этой юной

очаровательной особе. Во-вторых, он оказывает услуги криминального характера, платные и весьма недешевые, а не бескорыстную помощь. С каких пор это стало одним и тем же?

Но, прежде чем Себастьян успел деликатно озвучить замечания, София продолжила.

– Рано или поздно, но вам придется сдаться. Вам нужно передать кому-то уникальный опыт, – не позволяя собеседнику вставить ни слова, жарко выпалила она. – Иначе все пропадет втуне. Я предлагаю свою кандидатуру! Я хочу стать одной из вас. Обучите меня искусству ювелирики.

Себастьяна было нелегко удивить, но в этот раз, кажется, вышло. Он покачал головой. О безумный, безумный мир! В особенности безумен был этот город. Сколько раз он говорил себе не соваться сюда больше и не искать неприятностей! Сколько раз зарекался!

– Кто тебя прислал? – равнодушно поинтересовался ювелир. Практический интерес к разговору был безвозвратно утерян. Единственное, что заботило сейчас, – как поскорее выставить незнакомку вон. Не выталкивать же взашей, в самом деле? Если до этого дойдет, будет неловко.

– Понимаю, в это нелегко поверить, – словно оправдываясь, вновь горячо заговорила София, – но я нашла вас сама. Я ищу вас уже очень долго. Положение таково, что мне больше некуда идти. Пожалуйста, не прогоняйте...

Она не успела закончить. Одним движением Себастьян

оказался рядом и, резко отвернув жесткий ворот плаща, сунул его Софии прямо в лицо. Девушка отшатнулась от неожиданности и едва удержалась на ногах. Себастьян мимоходом отметил высоту и неустойчивость узких каблучков с металлическими набойками: непрактичная обувь, хоть и не лишенная своей привлекательности.

– Что ты видишь? – как ни в чем не бывало спросил он.

– Ничего... – София совершенно опешила, глядя на него с трогательной неуверенностью. – А что должно быть?

– Все правильно, – мирно, но без тени улыбки подтвердил Себастьян. – Ничего и не должно. А все потому, что цеховой знак ювелира, такая симпатичная медная безделица, не положен тем, кто не состоит в гильдии. О, знаменитая гильдия ювелиров! Славная организация объединяет всех, так или иначе причастных к нашему ремеслу: ювелиров, огранщиков, подмастерьев и учеников, одним из которых ты хочешь стать. Гильдия устанавливает для них четкие правила, нормы качества, размеры оплаты услуг и прочее, а вдобавок имеет право суда над своими членами. Гильдия – это практически суверенное государство! Ее постановления равносильны для ювелиров закону. Понимаешь теперь, что обратилась не по адресу? Уверен, совет гильдии рассмотрит твой официальный письменный запрос. В установленном порядке.

София поджала губы, сразу став похожей на обиженного ребенка. Кажется, его маленькая лекция не возымела успеха.

А жаль.

– Вы прекрасно осведомлены, сэр, о династиях ювелиров, ревностно охраняющих свою территорию, – столь же нравоучительным тоном отозвалась она, кажется, попросту издеваясь. – Привилегия вступления в гильдию наследственная. Только женившись на дочери ювелира, туда может вступить посторонний. По понятным причинам это недостижимо для меня. Кроме того, они все равно принимают в свои ряды только мужчин.

– Да неужели? – неожиданно хмыкнул Себастьян. – А знаешь почему?

– Конечно. – Сморщив нос, София презрительно передернула плечиками. – Извечный патриархальный шовинизм и притеснение женского пола. Женщин не ценят по достоинству. Несправедливость, с которой мы, сознательные люди, должны активно бороться!

Себастьян в голос расхохотался, не в состоянии воспринимать всерьез эту радикально настроенную юную фею. Даже ее бескомпромиссность была слишком мила, чтобы сердиться.

– Безусловно, без этого никуда. Но главная причина в том, что ни одна женщина не способна освоить наше ремесло, – терпеливо пояснил он. – Освоить в той степени, чтобы соперничать с мужчинами.

– Это ложь! – запальчиво крикнула София, почти картинно всплеснув руками.

Помимо воли ювелир залюбовался движением, в котором было что-то дикое, птичье. Изящные линии запястий, контуры худеньких белых пальцев, похожих на лебединые перья, – во всем виделась какая-то очаровательная беззащитность.

– Ложь! Женщина может быть ювелиром. И вам это известно – лучше, чем кому бы то ни было.

Она особо выделила последнюю фразу, поедая Себастьяна глазами, однако тот ничего не ответил.

Взгляд его потемнел, а улыбка медленно гасла на губах.

Разговор затягивался. Разговор, который он вовсе не хотел продолжать.

– Даже если бы это было возможно, – не успокаиваясь, София упрямо вздернула подбородок, – я не вступила бы в гильдию, сэр. Я презираю этих карманных ювелиров, едящих хлеб с рук своих хозяев! Я хочу быть свободным художником, не зависеть от прихотей судьбы и сильных мира сего. Я молода, честна душой и знаю, что такое отвага. Прошу вас, будем работать в паре, как делают все ювелиры! Клянусь, вы не пожалеете, что положились на меня.

– Какие радужные перспективы, – мрачно заметил Себастьян и помолчал еще немного, пристально рассматривая чрезмерно воодушевленную собеседницу. Ее сумбурные речи обеспокоили его, взволновали, вместо того чтобы просто развеселить своей несуразицей. – Иди домой, девочка. Читай романы: исторические, авантюрные, любовные... да какие угодно, коль они так будоражат твое живое воображе-

ние. Реальность далека от восторженных фантазий. Все по порядку. Я одиночка. Я не работаю в паре, потому что не хочу ни ответственности, ни зависимости. Это первое. Профессия ювелира – не бесконечная вольность и приключения, к которым ты стремишься. Мы также подчиняемся законам и кодексам, пусть неписаным. Мы верно служим системе этого несовершенного мира, и только потому она все еще терпит нас. Это второе. Ты молода – но недостаточно, чтобы стать учеником. К поступлению в гильдию, например, начинают готовить с первых лет жизни. Ты уже упустила лет восемнадцать. Это третье...

– Но вы стали ювелиром уже в достаточно зрелом возрасте, – немедленно возразила София, подняв руки в протестующем жесте, – и обучились самостоятельно.

– Я исключение, – отрезал Себастьян, нахмурившись. Вот ведь взбалмошная девица! – И не перебивай меня. Профессия ювелира – это то, чего не пожелать никому. Не от хорошей жизни пришел я в нее. Это грязь и кровь, которые не смыть. Ни одна женщина не может быть полноценным ювелиром. Мне это известно, ты права, гораздо лучше, чем многим. Это четвертое. Я убедил тебя, София?

Впервые он назвал ее по имени. Девушка отрицательно мотнула головой, не отрывая от него настороженно-любопытного взгляда зверька, впервые наткнувшегося на охотника. Что ж, этого следовало ожидать, но попытаться стоило. Он озвучил ей все те скучные, бессовестно правиль-

ные истины, которые должны были вразумлять сумасбродную юность. Истины, которые юность традиционно отвергала.

– Тогда последний аргумент, – тихо вздохнул Себастьян. Создатель, ну почему ты дал ей такие глаза?

Движение, невидимое и неслышимое, как легкое дуновение ветра. София и глазом не успела моргнуть, как ювелир оказался рядом – невозможно близко, приобняв ее, словно для вальса. Ладони их соприкоснулись, кружевной рукав девушки пополз вниз к локтю. Кисти их прижались так сильно, что Себастьян ощутил пульсации тонких голубоватых жилок. Глаза гости на миг затуманились, а потом наполнились ужасом и пониманием. Не проронив ни звука, София дернулась назад, пытаясь вырваться. Себастьян не старался удерживать ее, и потому она, оступившись, с коротким жалобным вскриком упала на пол.

Так и есть! Искаженная. Дурная кровь.

Себастьян ощутил приятное удовлетворение: профессиональная догадка оказалась верна. София даже не спешила прятать то, что обличало ее, – белоснежное запястье опоясывал, на глазах наливаясь багровым, тонкий ожог!

– Это то, что называют профнепригодностью, – с легкой усмешкой пояснил ювелир.

Взгляд Софии поблек. Себастьян молча закатал рукав, демонстрируя небольшой изящный браслет, надетый на встречу с Кристофером. Первоклассная бирюза. Низкие овальные

кабошоны, оправленные в желтое золото, богатая палитра оттенков – от небесно-голубого до насыщенного синего.

Себастьян любил бирюзу – по цвету она была подобна благородному сапфиру, но более бледная, словно вода возле берега. Камень крепости духа и тела, бирюза считалась признанным талисманом воинской победы. Однако спрос на нее невелик: минерал требовал тщательного ухода, был неустойчив и быстро окислялся, приобретая от ношения яблочно-зеленый оттенок. Средний срок жизни не превышал пятнадцати лет, а срок полезной активности – и того меньше.

И, как будто этого мало, бирюза имела репутацию камня высокой морали. Ходили упорные слухи, словно она признает владельцем только человека порядочного, к людям с нечистой совестью, напротив, активно притягивая беды. По этой причине мало кто в Ледуме, городе пороков, решился бы носить ее. Увы, Себастьян и сам не был праведен до такой степени – но не был он и суеверен. В конце концов, в этом и заключается профессионализм: знать о минералах все и не полагаться на народную молву.

– Как может быть ювелиром человек, страдающий непереносимостью минералов? Ты даже в руки их взять не сможешь. Кроме того, ты вне закона, Искаженная.

Немного лицемерно, из его-то уст. Можно подумать, у самого нелегального ювелира другой статус. Но вопрос слишком серьезен, чтобы нежничать. Девиче нужно ясно дать понять, что она идет не той дорогой.

– Сдадите меня Инквизиции, сэр? – тихо спросила София, отвернувшись. Голос ее внезапно потускнел и охрип.

– Я не работаю с ними, – чуть мягче произнес Себастьян, скользящим шагом отступая к окну. Мутноватое стекло было занавешено, но какое-то мельтешение за ним ясно давало понять, что на улице ветрено и сыро и по-прежнему сыплет снег. – Пять золотых за голову – не моя цена. Я повторяюсь: ступай домой, девочка.

– У меня нет дома.

Ну нет, он не даст себя разжалобить.

– Иди туда, откуда пришла. Слыхал, у таких, как ты, есть подпольная организация, помогающая выживать. «Новый мир», кажется. Идиллическое название. Чрезмерный оптимизм, учитывая все обстоятельства, тем не менее...

София вскочила на ноги.

– У таких, как я? – Глаза ее вновь сверкнули, зло и с вызовом, лицо исказила оскорбленная гримаса. – Каких? Прокаженных? Мутантов? Уродов?

– Я привык называть это генетическим сбоем. – Себастьян развел руками. – Но как ни называй, а такие, как ты, изгои. Социум не принимает вас. Ты родилась не в том месте и не в то время. Ты не сможешь приспособиться, прижиться. Ты не такая, как остальные, а мир не любит чужаков. Искривленным нет места в полисах. Большинство будет видеть в вас корень зла и преследовать, пока не уничтожит, всех до единого.

Хотел бы он, чтобы смешная девочка с революционными

настроениями в сердце никогда не узнала всей горечи этой истины. Но, увы, он не в силах ее уберечь. Никто не в силах.

– И это говорит мне выходец из диких Лесов Виросы, сильф-полукровка? – едко улыбнулась София, отчаянно не желая сдаваться. Чего-чего, а настырности ей было не занимать. Похоже, лучшая из черт ее характера. Полезное качество, главное, не переборщить с ним. – Сами-то вы неплохо сумели встроиться в здешнюю порочную систему. И даже стали в какой-то степени признаны и широко известны.

– Я – исключение.

Себастьян ничем не выдал удивления, вообще воздержавшись от какой-либо реакции на язвительные слова. Что, его биография уже вошла в учебники? Интересно, какая дисциплина – неужто история, раздел «Великие личности»? Ну наконец-то, вот она, слава.

Ясно, конечно, что любую информацию можно купить, но к чему было лезть в дебри его происхождения? Однако до чего упорная особа.

– Я слышу это уже второй раз за вечер, сэр, – решительно напирала София. – Не многовато ли исключений? Не такой уж вы уникум! Мы, Искаженные, тоже сильно отличаемся от простых людей. И не только обостренной чувствительностью.

– Да, – устало признал ювелир. – Но вот беда: вашим выдающимся талантам не найти практического применения, тем более в моей профессии. И я не собираюсь взваливать на

свои плечи обузу в виде беспомощной и бесполезной девочки, за укрывательство которой буду иметь вдобавок проблемы с Инквизицией. И без того святая служба, мягко выражаясь, недолюбливает меня. Это окончательное решение.

Кажется, София считает его лучше, чем он есть на самом деле, упорно преувеличивая в нем все доброе. Наивность эта, не исключено, происходит из добродетельного источника, из неопытности и юности сердца. К тому же бытует расхожее мнение о нем как о записном законнике, и многим известна специфическая слава Серафима – ревнителя старых церковных законов, преданного принципам веры. Такой человек разве оставит слабого в беде?

Но Серафим – не больше чем прозвище в криминальном мире. Ошибочно принимать все за чистую монету. Сложившийся образ – скорее легенда, скорее то, чем он желал бы быть, но чем не был и не будет никогда. Давно уже понял Себастьян, что всех невозможно спасти. Но, похоже, в конце концов стал заложником собственной безупречной репутации.

София желает и требует большего, чем он в состоянии дать. Конечно, нелегкая судьба ее вызывает сострадание, только вот мир, увы, полон несправедливости, а Себастьян не всесилен. По большому счету, все они жертвы обстоятельств. Ну не может он навязать себе эту ответственность.

– И что же мне делать?

О Изначальный, она спрашивает совершенно серьезно?

– Дайте мне дельный совет, сэр. С высоты вашего жизненного опыта.

– Дам, – охотно откликнулся Себастьян, чувствуя облегчение от приближающейся развязки, пусть даже трагической. – И даже денег за него не возьму. Прежде всего перестань посещать сомнительные заведения и места вроде этого. Сущее чудо, что к тебе до сих пор никто не прицепился. Надень парочку украшений с камнями, пусть искусственными, – их отсутствие выглядит очень подозрительно. И найди собратьев по несчастью. Это поможет протянуть некоторое время. Но конец все равно будет печальным, так что не вздумай надеяться и строить особых иллюзий.

– Моя мать мертва очень давно, а потому отец воспитывал меня один, – опустив глаза, внешне спокойно сообщила София. – Несколько дней назад он был убит. Убит по приказу родного брата Альбера, вот уже много лет возглавляющего «Новый мир». Мне некуда идти. Прошу вас, сэр, защитите меня.

Себастьян покачал головой. Ну надо же. Вместо того чтобы сплотиться, несчастные отщепенцы еще и истребляют друг друга в борьбе за сомнительную власть. А значит, в «Новый мир» девице лучше не соваться. Забавно и глупо – она умудрилась стать изгоем даже среди изгоев. Как и он сам когда-то.

Но к черту опасные сентиментальные параллели, всем известно, куда они ведут. С ним рядом она пропадет. А он ни-

кого не хочет больше тянуть за собой на дно.

– Выходит, твои дела совсем плохи. – Ювелир только руками развел. – Смирись и ожидай худшего. Впрочем...

Он на минуту задумался, разглядывая Софию несколько иначе, чем прежде.

– Ты молода и недурна собой. Не хочешь обратиться в клуб развлечений для элиты? Слышал, некоторым магам нравится иметь дело с Искаженными. Своего рода... хм... пикантная экзотика.

София вспыхнула, покраснев до корней волос. Когда-то персиковые щеки заалели, будто два пиона.

– Я порядочная молодая женщина, сэр! – О, эта гордо вскинутая голова сделала бы честь правительнице города. – А вы предлагаете мне стать проституткой?

На ее лице отразилось столь искреннее возмущение, что Себастьян только вздохнул. Такая эмоциональная, так пылко бунтующая против несправедливости. По-детски наивная робость тронула бы сердце даже прожженного циника.

Как же хорошо, что он не циник.

Наивность недолговечна. Это детская болезнь, которой, как корью, почти каждый переболел на заре жизни. Она лечится непростительно быстро. Вот и у него уже выработался кое-какой иммунитет.

– Не верю, – сухо отрезал Себастьян. – Порядочным молодым женщинам нечего делать ночью в обществе висельников. Разве не жажда больших и легких денег привела тебя ко

мне? Я указываю путь, который и безопаснее, и проще.

София метнула гневный взгляд и, не сказав ни слова, решительной походкой направилась к выходу. Ювелир был этому только рад. И так потерял слишком много времени, а полученный заказ не терпел промедления.

На пороге София внезапно остановилась. Силуэт ее блестел в темном проеме, словно вырезанный из праздничной серебряной фольги.

– Вы пахнете кровью, – не оборачиваясь, отчетливо произнесла она.

Несмотря на пугающий смысл, слова прозвучали спокойно. Голос, слегка измененный, звенел странной монотонностью. Слова медленно плыли в воздухе, как если бы София только что проснулась. Или, наоборот, спала?..

– Много, слишком много крови: кровоточат и сны, и явь. Готовьтесь, Серафим. Моя кровь тоже будет на ваших руках.

Глава 3, *в которой имеет место героизм (или глупость?)*

Оставшись в одиночестве, Себастьян с наслаждением вытянулся на кровати. Прямо в доходящих до колен сапогах, не стесняясь, закинул ноги на резную деревянную спинку. Наконец-то он мог немного перевести дух. А самое главное – в тишине и спокойствии поразмыслить над заказом.

В дверь осторожно постучали – расторопная служанка принесла поднос с долгожданным ужином. Снова пришлось подниматься, однако повод был приятным: ошутимо напоминавшее о себе чувство голода буквально вытолкнуло Себастьяна из легкодоступных, но оттого не менее манящих объятий гостиничных простыней и покрывал, похожих на объятия продажных девок. Ювелир порицал чревоугодие, а потому пища его была простой и скромной. Сковорода с благоухающим горячим блюдом – а это карп, запеченный с сыром и луком, – буханка круглого ячменного хлеба, чашка постного травяного супа... Что еще нужно для счастья? Ну разве только крохотное излишество в лице бутылки согревающего душу горячего вина со специями... но и она имелась.

Приступив к трапезе, Себастьян намечал ближайшие цели. Итак, правителя Ледума справедливо интересуется, кто по-

хитил из его сокровищниц один из прославленных «Глаз Дракона» и совершил покушение. Выяснить это представлялось нетрудным: такого масштаба деяния невозможно про-вернуть, не оставив следов. Но неужто дерзнувший посягнуть на жизнь лорда Эдварда самолично проник в святая святых дворца и выкрал нужный камень?! В этом случае заговорщик – самый настоящий ловкач, специалист высочайшего класса сразу в нескольких сложных областях. Вероятность этого ничтожно мала.

А значит, имели место слаженные действия двух или более лиц, причем непосредственный похититель вряд ли знал имя мага-заказчика, да и вообще вряд ли был посвящен в нюансы планируемого преступления. Покушение на лорда – дело, мягко говоря, опасное, и почти всегда оно оканчивается для смельчака скверно. Особенно в Ледуме.

Скорее всего, с укравшим камень ювелиром работал посредник, а может, и не один. Однако оперативно совершенное покушение – в самый день похищения шерла! – наводило на мысль, что эта цепочка не была излишне длинной и громоздкой. Тем более организатор наверняка действовал предельно осторожно и знал: чем больше звеньев, тем больше шансов разорвать, рассекретить или даже обнаружить их совершенно случайно. Кроме того, по завершении операции, удачном или неудачном, эти самые звенья следовало незамедлительно ликвидировать. Во избежание, так сказать.

Карп был восхитителен – здешний повар зря просиживал

штаны в этой дыре. Насытившись, Себастьян вытер пальцы тонким льняным полотенцем и плеснул в кружку остатки вина. Настроение понемногу улучшалось.

И все-таки он был почти совершенно уверен: никто из местных ювелиров не решился бы на такое. Никто, даже из немногих выживших отщепенцев, не состоявших в гильдии. Слишком рискованно. Практически невозможно. Помилуйте: резиденция лорда Ледума охраняется прекрасно, почти не имеет брешей в защите, а фамильные ювелиры правителя опытни и очень грамотно мотивированы на службу. Не говоря уж о прекрасно вышколенных охотниках, чтоб им провалиться.

Вывод напрашивался сам собой: сделать это мог только приезжий. Солдат удачи, перекаати-поле, рыцарь пыльной дороги... Такой, как он сам. Черт же побери такую логику!

Себастьян нахмурился. Немудрено, что подозрения мгновенно пали на него, тем более приезд его в Ледум так удачно – а вернее сказать, неудачно – совпал с указанными событиями. Да уж, круг подозреваемых сузился до смешного: убежденных бродяг-то нынче совсем немного... Если б Себастьян не знал совершенно точно, что невиновен, и сам бы начал подозревать себя.

Может, и во дворце решили так же и просто морочат знаменитому Серафиму голову с этим «расследованием»? И ослабив его бдительность, особая служба пытается как-то выйти через него на след преступника?

Ну нет, не стоит все усложнять. Кристофер, кажется, поверил в его невиновность и действительно надеется на помощь.

Что ж, выходит, чужой завербованный ювелир прибыл в Ледум уже с этой конкретной целью. Почти наверняка его приезд подготовили со всей тщательностью, поэтому он и остался незамеченным. Внутренний голос иронично подсказывал: вряд ли удастся что-то выяснить у информаторов, только деньги зря потратишь. И все-таки нужно попытаться.

Конечно, разумнее всего предположить, что замешан кто-либо из домочадцев, имевших доступ в хранилище, – да хоть оба сына лорда. Допустим, младшего можно отбросить (своей смертью он вполне убедительно доказал непричастность), а вот старший, официальный наследник престола... У него есть и веский мотив, и широкие возможности.

Вряд ли такое очевидное положение дел укрылось от взгляда заинтересованных лиц: наверняка за инфанта уже взялась особая служба. Тайная полиция Ледума была знаменита на всю Бреонию своим мастерством сыска и шпионажа, поэтому скоро все факты в отношении инфанта откроются. Себастьяну же такой ответ казался слишком простым, словно из учебной задачки по криминалистике. Но, в конце концов, платят ему не за домыслы, не за то, чтобы он морочил себе голову фантазиями о том, кто же осмелился претендовать на престол лорда Эдварда. Дело ювелира – найти пропавший минерал.

Себастьян задумчиво взвесил на ладони шкатулку со вторым «Глазом Дракона», прежде чем решился открыть. Камень переливался с поистине царственной небрежностью, впитав века и века магии. Он был очень стар и опытен.

Как дорогое вино, почти все минералы с возрастом становились только лучше: мощнее и отзывчивее, гибче реагировали на манипуляции магов. Тот же, что лежал сейчас перед ним, был настоящей легендой. Себастьяну не очень-то хотелось работать с камнем-убийцей напрямую, учитывая колоссальное негативное воздействие... Если точнее, максимально возможное негативное воздействие – смерть. Даже при условии соблюдения всех известных правил безопасности исключить неприятные последствия полностью было невозможно. Во всяком случае, таких гарантий никто бы не дал.

Впрочем, в его профессии вообще никогда не давали гарантий. Эх, и почему он не пошел в портные или парикмахеры?

Отставив приборы, Себастьян достал из внутреннего кармана небольшого размера кофр, с которым никогда не расставался. Здесь хранились камни, оставлять которые было слишком опасно даже в проверенных потайных убежищах, – его великолепная коллекция. Каждый ювелир обладал такой – специально подобранной для личного использования. Такие камни никогда не шли на продажу, даже если за них готовы были выложить приличную сумму. Себастьян собирал

свою коллекцию много лет, каждый ее фрагмент достался потом и кровью, и некоторые, увы, – слишком большой ценой.

Узкой продолговатой формы кофр имел несколько обособленных отделений для плохо уживающихся друг с другом минералов разных семейств, прочный металлический каркас и мягкую внутреннюю выстилку для амортизации, хотя каждый камень и так содержался отдельно, в индивидуальной ячейке. А самое главное, тканевое покрытие прошивали тончайшие нити сплава благородной платины – самого дорогого в мире металла, который поистине мог считаться драгоценным. Сложный сплав, скучно называемый специалистами «платинин „Люкс“», содержал приблизительно девятьсот пятьдесят частей платины, тридцать частей галлия, примерно четырнадцать частей индия и незначительное количество иных редких металлов. Точная лигатура, пропорции и способ получения береглись в строжайшем секрете, так же как и его свойства.

А все потому, что свойства эти были уникальны: платинин «Люкс» обладал стопроцентной износостойкостью, а кроме того, полностью нивелировал энергетическую активность камней.

Проклятый шерл-убийца немедленно занял место в свободной ячейке. Теперь о его сохранности можно было не беспокоиться.

Однако Себастьяна начинало волновать кое-что другое.

Помимо воли недавний разговор с Софией то и дело прокручивался в голове, в особенности неприятное впечатление почему-то производили последние слова. Не могла она, что ли, молча раствориться в ночи, бесследно кануть в бездну, из которой явилась? Вот зачем портить людям настроение на вечер?

Ну не способен он поверить в эту невероятную историю! В конце концов, просто не имеет права: статус «Вне закона» не предполагает мягкосердечия, отзывчивости и прочих сантиментов. Если же девчонка и впрямь попала в переplet – пусть ищет способы спасения своей очаровательной шкурки. А он устал. День выдался сложный – не было сил даже снять одежду.

Как подкошенный Себастьян рухнул прямо в нерасстеленную постель, покрутился немного и замер. Чертов сон не шел. Насмешливо поблескивая в темноте, белыми улитками стрелки ползли по циферблату чудовищно медленно, но успели уже перевалить за два часа ночи. Ювелир мысленно укорил себя за нарушение режима: перед тем как поработать, следовало хорошенько выспаться. Увы, организм был с ним в корне не согласен. Он категорически отказывался от заслуженного отдыха, сопротивлялся, отбиваясь руками и ногами.

Себастьян выпрямился в кровати и сел как-то неестественно, будто кол проглотил. Сегодня уже не уснуть – себя он знал. Встреча с Софией всерьез растревожила душу. Она выбивалась вон даже из ряда и так, в общем-то, нескучных

будней. Просто отмахнуться было нельзя.

Вздыхнув, ювелир принял решение и тут же был на ногах. В конце концов, не помешает выяснить, из каких краев прилетела к нему эта жар-птичка. Даже если София шпионка, то наверняка уже потеряла бдительность и не заметит за собой слежки, ведь с момента ее ухода прошло почти полтора часа.

Дивная ночь выдалась, ничего не скажешь. Едва оказавшись на улице, Себастьян глубоко надвинул шляпу и запахнулся сильнее в плащ. Потеплело. Ветер стих, но снег не прекратился, превратившись в противную крупную морось. Лужи стояли на мостовой. Брусчатка предательски заскользила под его стремительным шагом, звучащим в такт сумасшедшему сердечному ритму города.

Драгоценные камни. Сгустки мистической материи, безотказные проводники иных сил. Благословение и проклятие. Тайна их до сих пор не была разгадана, но совершенно ясно одно: только посредством минералов возможна человеческая магия – самая действенная, самая мощная и – как же иначе – самая разрушительная магия. И люди ни за что не выпустят из рук случайно доставшийся им инструмент, до неузнаваемости изменивший мир – однажды и навсегда.

В городах царила особая атмосфера, особая дурная энергетика. В городах скапливались множества драгоценных камней... а может, сами города росли вокруг минералов, быстро, как ажурная гипюровая плесень на хлебе. И те, кто мог видеть, видели, что воздух грязен и сер от беспрерыв-

ного мельтешения их вибраций. Фон постоянных излучений стоял плотно, словно дым, поднимаясь мощно и широко, точно океанская волна.

Из-за высокого порога восприимчивости в городах Себастьян страдал, словно музыкант на крикливом базаре. Какие-то звуки были особенно резкими, громкими, неприятными, но в целом активность минералов ощущалась как шум, давила, как монотонный рокот крови в ушах. Каждой клеточкой тела сильф чувствовал совокупность их общей массы и в невероятной какофонии различал голос каждого в отдельности. И, подобно всем живым существам, не мог не резонировать с этой дьявольской музыкой. С одной лишь разницей: Себастьян осознавал, что именно происходит. Это знание не приносило счастья.

Минералы отзывались большинству ювелиров, но на этом ментальная сила их заканчивалась: увы, ее было недостаточно, чтобы заклинать. Истинными, полновластными хозяевами мира могли считаться только маги – могущественные заклинатели драгоценных камней.

Времени прошло порядочно, но след Софии еще не остыл в сумерках. Минералы в браслете Себастьяна помнили прикосновение чужой руки и жгучую метку, которую оставили.

Ювелир глубоко вдохнул и на несколько мгновений замер. Ночь стояла тихая, почти сказочная. Темнота просвечивала иным: приглядевшись, можно было заметить в воздухе мельчайшие частицы потустороннего, светящуюся пыль-

цу, флуоресцентную зеленоватую взвесь, прерывистой тонкой дорожкой уводящую куда-то далеко, прочь от «Старой почты». Конечно, если смотреть особым зрением. Еще час-полтора, и ненадежный след, как ветхая ткань, расползется на лоскуты, растворится куском сахара в чае.

Быстрым бесшумным шагом Себастьян пошел по следу. И почему ей было не остаться в гостинице? Проще и безопаснее. Но, похоже, София никогда не выбирала варианты, которые проще и безопаснее... а может, просто денег не оказалось на ночлег? Наемник покачал головой. Так или иначе бродить в одиночку по ночным трущобам Ледума – либо дурость, либо уверенность в себе, граничащая с сумасшествием. Причем уже по другую сторону границы.

Бирюзовая дорожка петляла между домами, пугливо перекидываясь с одной узкой улочки на другую, как след зайца в вымороженном зимнем лесу. София или параноидально опасалась слежки, или попросту заблудилась и не понимала, куда идти. Себастьян даже не знал, что глупее, размышляя над этим прелюбопытным вопросом.

Внезапно внимание его привлек отдаленный шум. Похоже на припозднившуюся гулянку или хмельную драку, которая обыкновенно следует за ней. Себастьян почти не удивился, мысленно сопоставив свое направление и сторону, откуда доносился гомон.

Они совпадали.

Ускорив шаг, ювелир практически побежал, опасаясь

успеть лишь к развязке. Однако спектакль, похоже, только-только начинался.

Их было пятеро, в руках у одного всего-навсего нож. Наверняка и остальные вооружены чем-то подобным, но не видят необходимости сейчас пускать оружие в ход. Какая-то местная шпана. Окружив насмерть перепуганную девушку, они что-то пьяно горланили, смеялись, даже не скрывая намерений. Да и кого им тут бояться? Наверное, важные шишки в своем маленьком бедном районе на самой окраине большого Ледума. И не предполагают даже, что кто-то решится им помешать.

– Искаженная! – вдруг выкрикнул один из них, и голоса на миг стихли. Потом зашумели снова, но веселости в них осталось немного, зато появилась брезгливая, слепая ненависть и щепотка страха.

Извечная человеческая враждебность к иным была сильна. Быстро же здесь вычисляют чужаков! Нюх у них, что ли, на это дело? Впрочем, у Софии ее маленькая проблема разве что на лбу не написана.

Себастьян задумался. С одной стороны, нет его вины и ответственности в поступках других людей. Ни в беспечности и самонадеянности его новой знакомой, ни в жестокости здешних грабителей. Пять золотых, по одному на каждого, – не состояние, конечно, но на недельку-другую сытой и хмельной жизни – по их меркам – должно хватить с головой. Понятно, что девушка окажется в инквизиторских за-

стенках, а потом и на костре, коли доживет. Но Себастьян подспудно был уверен: стоит только вмешаться в жизнь другого человека, спутать священные нити судьбы хоть раз – и просто отвязаться уже не получится. Тем самым он добровольно впустит Софию в свою жизнь, а заодно и продемонстрирует готовность ответственности. Тогда уж точно придется взвалить это ярмо на шею.

А такого развития событий всеми силами хотелось избежать.

С другой стороны, если бы не Себастьян, София не оказалась бы здесь и сейчас. Разве не он был причиной ее появления в трущобах? Разве не он прогнал ее и позволил уйти одной, зная, чем это может закончиться? И что теперь – запросто вернуться в «Старую почту», бросив беспомощное создание в беде?

Ювелир тряхнул головой. Кажется, его задели за живое. Себастьян мысленно выругался – окаянная совесть таки проснулась. Однажды, уже очень давно, он стоял перед таким же выбором. Но тогда Себастьян ничего не мог поделать, а теперь – очень даже может.

Звук удара и глухой всхлип некстати прервали неторопливый ход его мыслей. София упала на землю, а ее обидчики, довольные собой, глумливо захохотали.

Себастьян сокрушенно вздохнул и мысленно закатил глаза, выступая из тени ближайшего дома – в полукруг света от единственного на всю округу тусклого газового фонаря. Си-

луэт его наверняка смазали туман и крупная морось. Какого черта он вытворяет? Собрался играть в героя? Смешно.

Да уж, по-другому он представлял себе сегодняшний вечер.

Ох, и не пришлось бы потом жалеть о совершенном, как это часто случается с благими делами.

– Именем святой Инквизиции!

Смех быстро прекратился. Грабители развернулись в его сторону, в их глазах застыло недоверчивое недоумение.

Ювелир отогнул ворот плаща, непринужденно демонстрируя приколотую за мгновение до того змеевидную серебряную фибулу ¹. Левая рука многозначительно легла на рукоять эстока, укрывшись за затейливой гардой – диковинным сплетением стальных лепестков и кружев. Такие фибула и эсток – отличительные знаки работника святой службы. В век огнестрельного оружия, технологий и магии лишь они и сохранили благородное умение фехтовать, оставаясь настоящими воинами до конца.

Если, конечно, не брать в расчет той мелочи, что единственное применение древнему искусству городские инквизиторы находили в притеснении и истреблении беззащитных изгоев. Другое дело те братья, которые жили и охотились за стенами полисов.

¹ Фибула – металлическая застежка для одежды, которая одновременно служит украшением. Фибулами соединяют края плаща, застегивают рукава, закрепляют пояса и портупей.

Себастьян также относился к огнестрельному оружию довольно-таки равнодушно, хотя иногда без него было не обойтись. В особенности если не предоставлялось возможности вступить в ближний бой или противник значительно превосходил в численности. Несмотря на это, холодное оружие было ближе сердцу, хоть и требовало куда больше времени на освоение. Методично доводя технику до совершенства, Себастьян никогда не пренебрегал тренировками: они занимали значительную часть каждого без исключения дня. Тренированное тело служило оружием, которое невозможно отнять и которое не даст осечку, что было немаловажно в непредсказуемой профессии ювелира.

Конечно, старомодный тяжелый эсток, вышедший из широкого употребления гораздо раньше изобретения пороха, не был излюбленным выбором Себастьяна. Никто не спорит, в прежние времена этот граненый двуручный меч действительно был хорош: в пешем строю не мешал маневренности, а всадникам позволял нанести удар на полном скаку, пробивая вражеский доспех. Но все же, если речь заходила об одиночном бое на узких городских улочках, на вкус ювелира, существовало множество гораздо более современных, удобных и практичных клинков.

Использовать холодное оружие в нынешнем веке было скорее данью прошлому. Прошлому, когда Церковь еще имела влияние на политику. Прошлому, когда Церковь и Инквизиция были едины и не знали вражды. О, как желали они

вернуть то время! Но реки времени не текут вспять.

Эсток по-прежнему оставался самым узнаваемым, устрашающим символом Инквизиции. А привычным оружием Себастьяна, к коему он питал поистине нежные чувства, была пламенеющая шпага.

Она унаследовала прочность и все достоинства добротных прямых клинков в сочетании с повышенной эффективностью кривого меча. Пламеневидное лезвие тщательно затачивалось по всей длине, а волны были чуть разведены в стороны под особым углом. Благодаря этим изгибам шпага имела наилучшие поражающие свойства, с одного удара прорубая самый жесткий металлический доспех, а на обратном ходу рассекая плоть, подобно пиле. Широкие рваные раны с несколькими разрезами внутри не заживали, воспаляясь и вызывая заражение крови, и практически во всех случаях были смертельными. Кроме того, в узком пространстве городских улиц или коридорах замков, где обычно сражался Себастьян, в полной мере проявлялись все преимущества пламенеющей шпаги.

Эти редкие клинки были чрезмерно сложны в изготовлении и баснословно дороги, кроме того, требовали хороших навыков самого бойца. А потому их изготавливали нечасто. Но доход Себастьяна некоторое время назад позволил ему заказать у старого мастера волнистый клинок-пилу по индивидуальным параметрам, под ведущую левую руку.

– Я забираю Искаженную, – голос сальфа прохладной рту-

тью пролился в тишину. В нем было именно столько уверенности и энтузиазма, сколько полагалось среднестатистическому религиозному фанатику. – Благодарю за проявленную сознательность, граждане.

Между прочим, и фибула, и эсток не были поддельными – зря они так на них косились. Себастьян сам снял их с трупа убитого в честном бою инквизитора, с коим они не так давно не сошлись во мнениях относительно одного щекотливого вопроса веры. А именно: имеют ли полукровки право на жизнь или же их нужно медленно сжигать заживо прямо на главной городской площади? Даже номер на фибуле был подлинный, так что все по-честному.

Грабители по-прежнему изображали статуи, глаза на него, как на чертика, с воплем выскочившего из табакерки. Ясно, не так часто приходится им лицезреть вживую благочестивых работников святой службы. На лицах отразились мучительные размышления. Похоже, заблудшие овцы сомневались, как лучше поступить.

Дабы облегчить сии душевные муки, Себастьян извлек на свет божий пять небольших монет. Золото тускло блеснуло, и блеск этот немедленно отразился в пяти парах глаз, затмив все прочие мысли.

– Забирайте награду.

Грабители переглянулись. Численный перевес был, конечно, на их стороне, но здравый смысл подсказывал, что подготовка и вооружение недостаточны для убийства инкви-

зителя: любой из святой службы был опытным бойцом. Да и последствия бунта легко предсказуемы. Так что лучше не связываться и, поборов жадность, убраться подобру-поздорову.

Один из нападавших, повинувшись взгляду главаря, подошел к Себастьяну и молча принял из его рук деньги. После этого нарушители ночного спокойствия отступили в тень и исчезли, как не бывало.

– Пойдем. – Рывком поставив онемевшую от ужаса Софию на ноги, ювелир скоро потащил ее за собой в противоположную сторону.

Избавиться от девицы оказалось не так-то просто.

Глава 4, *в которой остается непонятым, полезно или опасно водить дружбу с наемными убийцами*

Как и предполагал Себастьян, лучшие из информаторов ничем не смогли ему помочь.

Вся операция с похищением шерла была покрыта непроницаемым мраком тайны. Удалось только выяснить, что в город за пару дней до ювелира прибыл его коллега «по цеху» Стефан – такой же бездомный бродяга, как и сам Серафим.

Увы, это уж точно совершенно бесполезная информация. Себастьян слишком хорошо знал Стефана, даже питал к нему приятельские чувства, чтобы исключить этот вариант почти наверняка. Стефан был неплохим человеком, но, к сожалению, профессии «неплохого человека» не существовало в Бреонии. В профессии же ювелира друг оказался настолько невезучим и бестолковым, что снискал только насмешки и сомнительную славу законченного неудачника.

Трудно было предположить, что кто-то доверит ему столь важное и откровенно сложное задание. Однако встретиться со Стефаном все же не помешает. Порасспросить о жизни, да и заодно выяснить, как он очутился в Ледуме в столь зло-

получное время. Хотя... это и неудивительно: бедолага умеет впутаться в историю.

Но это позже. Сегодня у Себастьяна еще были дела.

День разгорался – от вчерашнего снега не осталось и следа. Солнце жарило немилосердно, и от влажного тела земли поднималась болезненная испарина. Ювелир шел пешком – нет, не сэкономил деньги, просто захотелось в кои-то веки спокойно прогуляться, подышать воздухом и осмотреться вокруг. Давно он не был в Ледуме, многое могло измениться, а Себастьян старался не упускать случай увидеть больше, обращая пристальное внимание на любые детали.

И действительно: город менялся на глазах, рос, устремляясь к небу гордыми монолитами зданий. На улицах развернулось пугающее своими масштабами строительство, призванное полностью преобразить облик старого Ледума. Ветхие лачуги безжалостно сносились, а на замену им возводились величественные высотные дома из современных материалов. Конечно, все эти чудесные метаморфозы происходили в основном в центральной части полиса, но и на окраинах скорым темпом сооружались новые громадные фабрики и заводы, выпускавшие из труб клубы удушливого дыма.

Архитектуру Ледума тщательно продумывали, стараясь выдержать в едином стиле. Очень часто приезжие были подавлены тишиной и строгим величием северного города. Здесь нельзя было наткнуться на пестрые ярмарки, шумные рынки с разномастными временными постройками, уличные

представления и разудалые народные гуляния на площадях. По большей части город, одетый в сдержанные черно-серые тона, был молчалив. словно причудливо сообщающиеся сосуды, перетекали друг в друга узкие, тесные улочки.

Нельзя не признать, вездесущий серый цвет был хорош. не выступая на первый план, он подходил ко всему и, в зависимости от освещения, менял оттенки, создавая мягкую игру светотени.

Приглушенная палитра успокаивала: глаза ничто не раздражало, не было необходимости компенсировать цвет. И Ледум плыл в своих серых туманах и казался чуточку нереальным, словно нарисованный прозрачными акварельными красками. Подобно старой выцветшей открытке из антикварной лавки. Пыльное очарование ушедшего времени, иного времени, все еще царило здесь.

Ничто не выбивалось из атмосферы торжественности и мистицизма. Сам же город был весь устремлен в будущее: фантастические ажурные здания, обрамляющие мрачноватые площади; вытянувшиеся змеями темные аллеи; загадочные монументальные скульптуры из клепаного металла; диковинных форм фонари и скамейки. От центра, подобно шестилучевой звезде, раскинулась сеть декоративных парков, искусно имитировавших живую природу: искусственные озера, ручьи с переброшенными высокими мостиками, аккуратно подстриженные деревья, кустарники и камни, для большей достоверности намеренно скомпонованные асим-

метрично.

Ювелир только улыбался: он ясно видел, что и расположение, и форма, и даже цвет каждого объекта грамотно просчитаны, выверены математически точно. Парки Ледума были почти совершенны. Почти, ведь в них недоставало одной-единственной детали: самой жизни.

Себастьян поравнялся со старинным зданием Магистерииума, еще одним образчиком архитектурного искусства города. Совсем недавно к нему пристроили новые флигели. Магистерииум, альма-матер науки, выглядел все так же устрашающе: бескрайние галереи с готическими сводами, бесконечные ряды стройных витых колонн. На имеющих форму призмы высоких стелах были высечены сухие научные афоризмы. Башни и шпили различных форм надменно возносились над беспокойным морем островерхих крыш. Один только вид надломленных стрельчатых арок создавал впечатление взлета, неудержимого движения вверх.

Впрочем, такое же впечатление производил весь Ледум: казалось, вот-вот он оторвется от грешной земли и зависнет в воздухе, подобный миражу. Помимо воли ювелир залюбовался: вытянутые арки, башенки, шпили, крутые крыши – все отражало идею устремленности города ввысь, подчеркивало удивительный контраст горизонтали и вертикали, который нельзя было увидеть, пожалуй, больше нигде в Бреонии.

Привлекла внимание Себастьяна и новая улица Танцующих домов: каркасные конструкции искривлялись причуд-

ливо и разнообразно, создавая иллюзию постоянного движения зданий. От долгого пребывания здесь кружилась голова и в самом деле мог случиться обморок.

Не ударили в грязь лицом и знаменитые мостовые Ледума, поражавшие воображение новоприбывших. Казалось, работами по их укладке руководил пьяный мастер, создавший фантастические в своей сложности узоры. Искаженные черные и белые квадраты плитки сплетались в замысловато выстроенные кривые, пересекающие друг друга и вновь расходящиеся. Впрочем, квадратами их можно было назвать весьма условно: у большей части стороны имели разную длину, а углы то и дело раскрывались или сужались. Иными словами, помимо собственно квадратов, здесь мелькали всевозможные разновидности трапеций, ромбов и параллелограммов. Вариации были столь разнообразны, что едва ли удалось бы встретить две одинаковые плитки.

В результате, прогуливаясь по улицам, Себастьян не мог на глаз достоверно определить расстояние: мостовые коверкали пространство, скрадывая или расширяя его, и создавали множество зрительных иллюзий вроде поворотов, спусков или подъемов, которых на самом деле не было. Поэтому действительно хорошо ориентироваться здесь удавалось только коренным жителям, гости же рисковали часами блуждать по лабиринтам.

Наконец, после длительной прогулки, ювелир оказался на месте.

Убедившись, что за ним точно никто не следит, постучал в дверь коротким условным стуком. Открыли почти сразу, может, с полуминутной заминкой. Себастьян молча вошел, с удовлетворением отмечая приятную прохладу «Белой ночи» после влажной духоты улицы.

Несмотря на яркий весенний день, внутри царил полумрак. Заведение не открывалось до наступления вечера – ставни плотно затворены, окна занавешены тяжелыми шторами. Это была просторная, хорошо обставленная таверна с неплохими поварами, но основную статью дохода составляли проводимые в «Белой ночи» чемпионаты по азартным играм.

Это был самый крупный и самый знаменитый притон в Ледуме.

– Опаздываешь, Серафим.

За единственным разобраным столом, накрытым белоснежной накрахмаленной скатертью, сидела миниатюрная женщина средних лет. Ее легко можно было принять за юношу: этому впечатлению способствовали и подтянутая стройная фигурка, и мужской костюм милитари невыразительного цвета, и короткий жесткий ершик волос. Странно даже, обычно голова этой женщины была и вовсе обрита наголо: с некой извращенной гордостью она демонстрировала окружающим изящную форму черепа. На лице – ни малейших следов косметики, на носу – декоративные очки-гогглы с красными стеклами, за ними – цепкие бесстрастные глаза.

Само лицо едва ли можно было назвать красивым, скорее харизматичным. Однако все перечисленные обстоятельства нисколько не мешали ей, когда требуется, надевать нужный парик, наносить правильный макияж и сводить с ума мужчин.

Впрочем, не только их.

– И я рад видеть тебя, Маршал, – сдержанно улыбнулся Себастьян, присаживаясь на свободный стул. – Давненько не виделись.

Одинокое стоящая на столе бутылка охлажденной граппы была пуста почти наполовину, в хрустальной пепельнице скорбно дымились останки двух папирос. Хм... «пуста почти наполовину». Нет, он вовсе не пессимист, как можно подумать, если рассматривать с этой точки зрения. Просто початая бутылка говорит о том, что Маршал определенно не скупилась, ожидая его. А значит, она здесь уже достаточно долго. Любопытно. А он, оказывается, важная птица. Всем в этом городе он неожиданно оказался позарез нужен.

Ну и ну.

– За встречу? – Маршал вопросительно подняла рюмку, причудливая форма которой напоминала песочные часы. Ножка была такой тонкой, что, казалось, не по-женски сильные жилистые пальцы вот-вот сомнут, раздавят ее.

– Прости, я на работе. Ты знаешь мои правила.

Себастьян не любил виноградную водку, да и вообще крепкий алкоголь. Чтобы выжить, нужно сохранять кри-

стальную ясность и чистоту ума. Да и вкус у граппы резкий, чего уж скрывать.

Маршал хмыкнула и опрокинула содержимое рюмки, вновь не по-женски жестко, залпом: так и не каждый мужчина сумел бы. Выжидающе посмотрела на ювелира. Глаза ее остались холодными и совершенно трезвыми. Как всегда, впечатляюще. И как ей удастся этот фокус? Наверное, все дело в привычке много пить.

– Полагаю, об этом ты и пришел потолковать, Серафим. Приступай.

Маршал не была информатором. Не была она и магом, да и к ювелирике имела такое же отношение, как грузчик к высшей математике. Однако ее профессия требовала порой даже большей осведомленности в текущей ситуации и расстановке политических сил, чем все вышеперечисленные, вместе взятые.

Маршал была наемным убийцей.

– Понимаю, это не совсем твой профиль, Маршал, – деликатно начал Себастьян. – Однако, зная безграничную широту твоих связей, предположу, что до тебя могла дойти какая-то информация... что-то, связанное с использованием в недавнее время небезызвестного черного турмалина.

Если он и ожидал ответа, то только не такого.

Маршал громко расхохоталась, запрокинув голову и обнажив аккуратные белые зубы. Не очень-то вежливо, черт побери, в ответ на его предупредительность, но пороком хо-

роших манер она никогда не страдала.

– М-да, – низко протянула она, отсмеявшись, – такая информация нынче дорого стоит. Неужто и ты успел ввязаться в дрянную историю с покушением на лорда? Люди Кристофера уже опросили всех, кто мог знать хоть что-нибудь, даже у меня, представь себе, рискнули побывать. Но не переживай, что тебя опередили: ничегошеньки им раскопать не удалось... Остались с носом, в общем. Однако ты теряешь хватку, Серафим.

– Вовсе нет, я взялся за заказ только вчера вечером, – не задумываясь, тут же возразил он.

Маршал ласково улыбнулась и, кивнув, тут же наполнила еще одну рюмку.

Черт. Себастьян прикусил язык. Ну сам же, сам, уязвленный неприкрытыми сомнениями в его профессионализме, начал выдавать информацию! Маршал была неплохим знатоком человеческой психологии и, как выяснилось, по-прежнему умелым провокатором.

Как хорошо, что какие-то вещи стабильны в этом переменчивом мире.

– Если хочешь знать мое мнение, Серафим, – покачав головой, мрачно посоветовала убийца, – держись-ка подальше от этого мутного дела.

Она больше не курила, хотя, насколько мог вспомнить Себастьян, в разговорах делала это непрерывно. Только вертела папиросу в руках, пальцами разминая хрусткую оберточ-

ную бумагу.

– Будь добр, прими такой дружеский совет. Это тебе не камешки у магов исподтишка красть: не твой профиль. Здесь замешана большая политика, а это чертовски нудная и неприятная штука. Кто знает, кому ты случайно перейдешь дорогу.

Себастьян криво усмехнулся. Слышать такие слова от Маршала было по меньшей мере неожиданно. Сколько раз она сама переходила дорогу сильным мира сего? Чего только стоит скандальная история с леди Катрин, супругой лорда Альфреда, правителя Нериума, несколько лет назад сделавшая убийцу знаменитой на всю Бреонию!

Людская молва утверждала, будто Маршал соблазнила леди Катрин, гордую и неприступную красавицу, мечту мужчин, и та, наивная девочка, состояла с ней в тайной любовной связи. Но все тайное однажды становится явным, как ни пытайся скрывать. Лорд Альфред узнал о неверности супруги и был разъярен как этим обстоятельством, так и тем, что соперник, которого ему предпочли, – женщина, чьи руки вдобавок по локоть в крови. История получила широкий резонанс, и Маршалу пришлось бежать из Нериума, подальше от гнева опозоренного правителя.

И все же Маршал была не из тех, кто предпочтет прятаться всю жизнь, спасаясь от преследований и дрожа за свою шкуру. Решительная и страстная натура, она не собиралась отступить: разлука и недоступность объекта желаний только

распалили чувства. Однажды убийца тайно вернулась в город и пробралась прямым путем во дворец. Такую дерзость мало кто мог предвидеть. Действия Маршала были неожиданными, молниеносными и, по всей вероятности, тщательно спланированными.

До сей поры ходит много слухов о том, что произошло в ту роковую ночь. Лорд Альфред пал от руки Маршала, и в эти же часы при невыясненных обстоятельствах трагически погиб единственный сын и наследник правителя. К власти в Нериуме в результате переворота пришел молодой маг Люсьен – недавний выходец из Ледума, воспитанник лорда Эдварда и близкий друг погибшего инфанта Эрика, не имеющий никаких родственных связей с лордом Альфредом.

Что ж, и такое случается.

Многое говорили про смену власти в Нериуме, про громкое убийство лорда, про одержимость леди Катрин, сохранившую близость с убийцей мужа и сына... Правда, мало кто из сплетников достоверно знал, что скандально известный Маршал – женщина. Возможно, поначалу не догадывалась даже сама леди Катрин. Впрочем, об этом спорили иногда. Злые языки шептали даже про причастность лорда Эдварда, якобы оплатившего заказ на убийство, про содействие, которое правитель Ледума оказал Люсьену, силой захватившему власть... про многое другое. Как бы то ни было, политика Нериума с тех пор стала куда гибче и уступчивее, и голос его всегда звучал в унисон глубокому голосу Ледума.

А за жизни людей, имевших несчастье сделаться мишенью Маршала, отныне не давали и ломаного гроша.

Однако счастливой истории не случилось. Леди Катрин досталась Маршалу как награда, новый лорд-защитник даже позволил ей остаться в замке. Но мучительная идиллия высоких отношений длилась недолго.

Иногда любовь может обратиться проклятием вместо благословения: роковая страсть, сделавшись ненасытной, превратилась в болезненную зависимость. Накал чувств стал невыносим, он сжигал сердца обеих, отравлял кровь ревностью. Леди Катрин чахла и сходила с ума, а Маршал постепенно начала уставать от ее истерик и именно в те дни, как говорят, чрезмерно пристрастилась к алкоголю. В конце концов и моральное, и физическое истощение настигло обеих, и трагическая развязка не заставила себя ждать. В ходе очередного тягостного выяснения отношений взбешенная донельзя Маршал в пылу ссоры убила леди Катрин – и исчезла из города в неизвестном направлении. Легла на дно, и многие решили, что навсегда.

Но спустя некоторое время ставшая легендой убийца как ни в чем не бывало появилась в Ледуме и, кажется, чувствовала себя очень даже вольготно. По всей видимости, ей оказывали здесь высокое покровительство.

– Ты имеешь в виду лорда Октавиана Севира? – прямо спросил Себастьян, глядя убийце в глаза. Однако прочесть в них что-либо было не легче, чем малограмотному одолеть

строки утонченной символической поэзии. – Я сам только что из Аманиты и прекрасно осведомлен, что там творится.

– Кто знает, кто знает... – уклончиво пробормотала Маршал, улыбаясь, как кошка в предвкушении мыши. – Есть тут загвоздка: никто из ювелиров или магов не приезжал из Аманиты последние две, а то и три недели. Никто... кроме тебя, Серафим. Может, ты ведешь двойную игру?

Как откровенно. Похоже, Маршал тоже решила говорить напрямую, оставив блуждания вокруг да около. У Себастьяна невольно пересохло горло. Ну почему раз за разом он чувствует себя в обществе Маршала как зеленый мальчишка? Умеет она все-таки так себя поставить... Возможно, есть в этом некоторая заслуга непререкаемого, овечьего легендами и домыслами авторитета лучшего убийцы Ледума, а может, и всей Бреонии. Этот авторитет давил и сковывал, заставляя многих быть осторожными в словах.

Но Себастьян относился к Маршалу с симпатией. Снисходительное спокойствие – его вполне хватало, чтобы сносить властолюбивый и жесткий характер убийцы. Несмотря на недостатки, Маршал внушала определенное доверие. Она была безжалостным, излишне прямолинейным и резким, но все же глубоко честным человеком.

Однако Маршал не упомянула о Стефане, который также появился в городе совсем недавно. Конечно, трудно принимать его всерьез, но все же... Сложно поверить, что приезд неудачливого ювелира остался секретом. Значит, она

промолчала намеренно. Но почему? Абсолютно уверена в невинности Стефана? Или Маршал просто использует эту возможность, чтобы нажать на него и отследить реакцию? Или...

Себастьян уже начинал жалеть, что отказался от граппы. Нет, ну сам-то он, конечно, знал, что не замешан: хоть это радовало. Но поверил ли ему Кристофер? Или только притворился? Может, таким хитрым способом они просто пытаются заставить его потерять бдительность и вывести на заказчика? Может, вся эта история с поиском камня – лишь игра и они уверены, что шерл у него? Не очень-то гладкий расклад.

– Ты шутишь? – неуверенно предположил Себастьян.

– Зато ты, как я погляжу, серьезен – дальше некуда. Так зачем ты покинул Аманиту, Серафим? – словно между прочим поинтересовалась Маршал, не отрывая от него цепкого хищного взгляда. – И прибыл в Ледум?

Стало тихо. Как-то противоестественно, ненормально тихо. Такой поворот событий настораживал и, если честно, всерьез напрягал. Самое время ответить что-то убедительное, а то молчание и так затянулось, выставляя его не в лучшем свете.

– Перестань, Маршал, – натянуто ухмыльнулся Себастьян, хотя ситуация отнюдь не выглядела забавной. – Ты же знаешь, я не сижу подолгу на месте. После смерти отца лорд Октавиан Севир начал наводить в столице свои по-

рядки. Обстановка там нынче непредсказуема. Я предпочел уехать до лучших времен, вот и все причины.

Ну это же не прозвучало как оправдание, не так ли? Когда говоришь правду, всегда выглядишь глупейшим образом. Сегодняшний явно не клеящийся разговор – прекрасный тому пример.

– Что ж, так и есть... новая метла по-новому метет. Говорят, лорд Октавиан жаждет навести свои порядки не только в Аманите, но и во всей Бреонии, – понизила голос Маршал, между делом выпивая очередную рюмочку. – Если так, грядут большие перемены – и большие волнения. Неизвестно еще, чем все это кончится. Полагаю, лучшим выбором сейчас будет остаться в стороне и попытаться переждать большую бурю без потерь. Остерегись ненароком помешать планам правителей, Серафим. Для маленьких людей, жалких смертных вроде нас с тобой, чревато совать нос в дела господ. Маховики, запущенные сильными мира сего, сотрут в порошок все, что попадет в их лопасти. Особенно хрупкие человеческие судьбы.

Политическую ситуацию в мире и впрямь сложно было назвать стабильной. Обособленные друг от друга города-государства Бреонии имели весьма слабые связи, чему в немалой степени способствовали обширные Пустоши и Леса Виросы, а также самовластные притязания местных лордов-защитников. Однако официально Бреония по-прежнему считалась единым государством, и титул столицы конфедера-

ции, громкий и оттого только более номинальный, принадлежал древней, гордящейся своей историей Аманите.

В былые времена этот крупный и хорошо укрепленный полис располагал наиболее сильными магами и занимал выгодное геополитическое расположение. Однако впоследствии из-за непродуманной и непоследовательной политики некоторых лордов Аманита стала утрачивать свое влияние. Активную конкуренцию столице составил молодой, но быстро растущий и развивающийся Ледум.

Между городами началось противостояние, пик которого пришелся как раз на начало правления отца лорда Октавиана Севира и едва не привел ко всеобщей войне. Однако в последний момент сторонам удалось удержаться от масштабного кровопролития, во многом благодаря значительному сокращению притязаний и политических appetитов Аманиты.

Но теперь на престол взошел новый лорд, и он был молод и амбициозен.

Но не мог же Октавиан, едва успев стать правителем, затеять такую серьезную и рискованную операцию, зная, что неудача почти неминуемо приведет к войне? Если Ледум и Аманита начнут открыто бороться за господствующее положение, мир ждет настоящая катастрофа. Силы городов, если учитывать наиболее вероятные альянсы, примерно равны. Малой кровью тут не обойтись: рассчитывать на скорую безоговорочную победу просто глупо, ни у одной из сторон для этого недостает ресурсов. А значит, конфликт будет дли-

тельным, изматывающим и бессмысленным, ведь победителю достанется государство в руинах, в которое наверняка, воспользовавшись слабостью людей, пожелают вторгнуться оборотни и прочая нечисть из Пустошей.

– Спасибо за предупреждение, Маршал, – Себастьян с достоинством поднялся из-за стола, – но я не лезу в политику. Я только ювелир, меня волнуют минералы – и ничего больше. Разве что гонорары за их поиск.

Убийца одобрительно качнула головой, отставив в сторону пустую рюмку. Наполнять ее было нечем.

– Поддерживаю. Но давно хотела спросить, Серафим: для чего тебе столько золота? Разгульную жизнь ты не ведешь, женщин не содержишь, в карты не играешь... Короче, ты почти святой, чтоб тебе провалиться. Неужели жертвуешь все заработки своей Церкви?

– А если и так? – Себастьян вновь улыбнулся – вежливо, но твердо. – Не волнуйся, Маршал, я всего лишь одержим мерзким грехом стяжательства.

Она только хмыкнула и ничего не ответила.

– Спасибо, что согласилась встретиться. Знаю, как баснословно дорого твое время, а потому не смею более задерживать и злоупотреблять дружбой. Да и мне самому пора. До встречи.

Маршал тоже встала, но уходить не торопилась. Вероятно, собиралась исчезнуть через черный ход, как только он удалится. Себастьян коротко кивнул на прощание и, кра-

ем глаза не выпуская убийцу из вида, направился к выходу. Лучше лишний раз перестраховаться, даже если опасения не подтвердятся, чем поймать неожиданную и оттого особенно обидную пулю в затылок.

– Всегда нравилась твоя смелость, Серафим, – задумчиво признала Маршал, когда он уже стоял на пороге. Почти автоматическим движением достала очередную папиросу. – Немногие надеются на встречу со мной. Может, потому что я и смерть приходим одновременно.

Глава 5, *в которой не получается в полной мере насладиться коньяком*

Безупречность письменного стола Кристофера нарушала одна-единственная инородная деталь – статуэтка танцовщицы в белоснежной балетной пачке. Прекрасная вещица из фарфора, работа известного мастера. Изящная фигурка приподнимала край ниспадающей, доходящей до середины икры юбки; и, отведя глаза от высокого гостя, Кристофер принялся разглядывать эту пышную юбку на кринолине с таким преувеличенным усердием, будто видел впервые и та вызывала живейший интерес. Глава ювелиров и правда был известен любовью к антикварному искусству, но не до такой же степени. Весь облик его словно сочился предупредительностью, демонстрируя тактичность, почтительное внимание и готовность к диалогу.

Однако к сыну лорда ни в коем случае не полагалось обращаться первым или задавать вопросы – только поддерживать избранную им тему.

Сидящий напротив темноволосый мужчина безмолвствовал. Именно так: он не молчал, а воистину безмолвствовал, и безмолвие его, роскошное, густое, царственное, невозможно было выносить вечно. Пауза неприятно затягивалась.

Но иерархические правила требовали неукоснительного соблюдения, а потому Кристофер предусмотрительно запасся должным терпением и морально приготовился к продолжительному, но малоинформативному разговору.

В отличие от венценосного отца, Эдмунд имел склонность выражать мысли неторопливо и обтекаемо, затрудняясь в четких формулировках. И в этой неуверенности сложно было упрекнуть человека, выросшего в тени великого лорда Ледума. Как бы то ни было, Кристофера удивил и даже немного встревожил незапланированный визит, неофициальный и к тому же довольно поздний. Наследник престола собственной персоной – к чему бы это?

Ясно, что не к добру.

– Тяжелое испытание выпало на долю Ледума, – начал наконец Эдмунд, постукивая по паркету концом элегантной резной трости. Дорогой сорт красного дерева издавал приятный гулкий звук, почти мелодичный. Если бы он не был еще таким монотонным! – До сих пор не могу поверить, что Эдгара больше нет... в живых.

Кристофер сочувственно качнул головой, все еще не понимая до конца, к чему клонит инфант. Ничего не скажешь, приступил издалека.

– Какая невосполнимая утрата для нашего общества! Как преждевременно покинул мир мой возлюбленный брат, жизнелюбивый, всесторонне одаренный человек...

Кристофер вновь вежливо кивнул этому поразительно

глубокомысленному наблюдению, недоумевая – исключительно про себя, разумеется, – о каких именно талантах Эдгара идет речь. Если о способностях к магии, то они были весьма посредственны, как, впрочем, и другие дарования старшего отпрыска лорда. Но Эдгар куда успешнее находил общий язык с отцом, а потому пользовался его любовью.

Вот этот талант действительно редок и весьма полезен.

– Страшно и помыслить о том, что ожидало бы Ледум, сработай план убийцы без осечки, – продолжил Эдмунд, небрежным жестом веля подать ему коньяк. Пузатая бутылка с благородным напитком стояла неподалеку, на столике за перегородкой, рядом со свежими фруктами, шоколадом и сделанными на заказ сигарами цвета кофе с молоком.

Немедленно поднявшись, Кристофер поставил перед престолонаследником большой шарообразный бокал с короткой ножкой. Неторопливо, давая коньяку время подышать, наполнил сифтер густой ароматной жидкостью – до самой широкой части, не выше – примерно на четверть. Янтарный напиток был идеально прозрачным, чистым и вязким. Он оставлял на стенках маслянистые потеки, которые привели бы в восторг эстета, и мог считаться великолепным образчиком алкогольной продукции.

Но Эдмунд, похоже, не обратил внимания на такие мелочи: он опрокинул содержимое залпом, не успев в должной мере насладиться ни запахом, ни вкусом и послевкусием. Любого ценителя покорило бы столь мещанское упо-

требление коньяка, частенько именуемого напитком лордов. Поставив бокал, Эдмунд сделал знак повторить, однако на сей раз пить не торопился. Руки его подрагивали.

Вернувшись на место, Кристофер заметил, что болезненную бледность инфанта волной заливают не менее болезненный румянец. Совершенно неуместное проявление волнения, причины которого были пока неясны, но... наводили на вполне определенные мысли.

– Что стало бы тогда с Ледумом, Кристофер? – тоскливо спросил престолонаследник, и гладкий лоб его прорезали случайные нервные морщинки. – Что стало бы со всеми нами, учитывая нынешнюю... хм-м... непростую политическую ситуацию?

Как правило, у наследников правителей мысль о смерти отца вряд ли вызывает столь священный ужас. Но в случае с Ледумом дело обстояло иначе.

Вот уже более трех сотен лет, поправ все известные законы мироздания, лорд Эдвард единолично правил городом.

Конечно, маги жили долго, гораздо дольше обычных людей, черпая энергию из драгоценных камней. Однако ни одному из них доселе не удалось обмануть время, отодвинув на неопределенный срок старость и неизбежную кончину.

Никому, кроме лорда Ледума. А тот строжайше хранил свой секрет, узнать который тщетно пытались многие любопытствующие: желая вечной жизни, все они отыскивали лишь скорую смерть.

– Несомненно, это был бы колоссальный удар для всех нас, – подчеркнуто бесстрастно подал голос Кристофер, видя, что инфант медлит и ждет от него подобающего ответа. Увы, это был не риторический вопрос, как он подумал вначале. А просто очень, очень глупый. – В нелегкое время пришлось бы вам принять бремя власти. Но я убежден, вы с честью исполнили бы долг крови.

Глаза Эдмунда чуть расширились, и он отвернулся, скрывая выражение своего лица.

– Как ты считаешь, Кристофер, кто стоит за этим покушением? – голос инфанта, и без того невыразительный, прозвучал еле слышно.

Вот это, что называется, вопрос в лоб. А так долго ходил вокруг да около...

– Совместными силами особой службы и службы ювелиров Ледума ведется расследование, но говорить о результатах пока рано, – почти отрапортовал Кристофер, умело скрывая за сухими словами личное мнение, которого у него так неожиданно потребовали. – Никаких убедительных доказательств причастности каких-либо лиц обнаружить до сих пор не удалось.

Эдмунд задумчиво вращал коньяк по стенкам большой чаши бокала, согревая ее теплом ладони. Очевидно, это было стремление реабилитировать себя за первую неуклюже выпитую порцию. Но Кристофер ясно видел застывшее в глазах престолонаследника преступное безразличие, и это

задевало утонченную натуру аристократа за живое.

С коньяком следовало обращаться совсем иначе. Вот-вот, сейчас... Самое время приблизить нос к зауженному выходу sniffтера, вдохнуть букет раскрывшихся ароматов. Не слишком близко, дабы не обжечь чувствительную слизистую парами, позволяя веществам смешаться наиболее гармонично.

На лице Кристофера появилось мечтательное и горделивое выражение: что ни говори, а то был высококлассный коньяк, семи лет выдержки в старых дубовых бочках. Он обладал богатым и сложным букетом. Сперва явственно различались нежнейшие фруктовые нотки: виноград, за ним яблоки, персики. Затем цветочные: фиалки, липовый цвет, левкой. Развитие аромата, третья его волна, радовало знатока еще сильнее: теперь проступали легкие тона лесных орехов, кураги и инжира, обещая полноту и незабываемую глубину вкуса...

– Говорят, преступника нужно искать среди тех, кто получит от преступления выгоду, – негромко произнес Эдмунд, бестактно вырывая Кристофера из облака славных воспоминаний. Впрочем, мысль эта казалась вполне разумной. – Кажется, на поверхности лежит, кто главный выгодоприобретатель во всей этой невеселой истории.

– И кто же? Не понимаю вас. – Кристофер отрицательно мотнул головой, начиная заметно нервничать от столь откровенного разговора.

Вот еще кто-нибудь узнает об этой встрече! Есть шанс по-

пасть в неловкое или даже опасное положение. Пересудов не избежать.

А пересуды, как известно, страшнее револьверов.

– Уже поползли слухи, будто я замешан в покушении на отца, – вполголоса проговорил Эдмунд, устремив на главу ювелиров свои светлые, блеклые глаза, такие непохожие на глаза лорда. – Будто я вознамерился сам стать правителем Ледума! Об этом шепчутся и на улицах, и в высоких кругах... Ты не можешь этого не знать, Кристофер. Скажи мне, верит ли в это лорд Эдвард?

– Прошу прощения, – слабо выдавил Кристофер, разглаживая кружевные складки манжет, и без того лежавших идеально, – но мы с правителем не близки настолько, чтобы он поднимал подобные вопросы. Даже если бы это было так, не думаю, что я позволил бы себе говорить с кем-то еще на столь деликатную тему.

– Брось, Кристофер. – Эдмунд попытался ободряюще улыбнуться, но улыбка не удалась, выйдя какой-то кривой, напряженной. Всегдашняя подчеркнутая аккуратность аристократа, граничащая с манией, казалось, начинала смутно раздражать его. – Это просто отношения между отцом и сыном. Не вмешивай в семейные дела чертову политику. Мне не хотелось бы, чтобы минувшее неприятное происшествие омрачило нашу связь.

Неприятное происшествие? Кристофер мысленно закатил глаза. Уж Эдмунд мог подобрать иной оборот речи, го-

вора о гибели родного брата. Кажется, такое поведение не очень достойно престолонаследника... Хотя у августейших господ свои представления о нормах. Главу службы ювелиров это не касается. Так какого дьявола Эдмунд заявился к нему? Он что, главный знаток придворных интриг в этом городе?

Может, конечно, и так... но только самых невинных из них.

– Ни в коем случае не желаю разочаровывать вас, светлейший, – беспокойным движением Кристофер провел рукой по волосам, чуть сминая идеальную укладку, – но, боюсь, мне неизвестно мнение милорда на этот счет.

Инфант вздохнул и медленно, смакуя, допил коньяк. Кристофер готов был поклясться: он едва ли чувствует вкус. Отрешенное выражение, появившееся на лице престолонаследника, отличалось от выражения удовольствия.

– Я понимаю, как опасно быть искренним, – тяжело выдохнул Эдмунд. – Признаюсь, я и сам устрашен. Вчера целую ночь не мог заснуть, ожидая ареста, допроса... Ты знаешь подозрительность отца... она поистине беспредельна. Да, в прошлом не однажды сия свойственная правителю черта сберегала ему жизнь, но в этот раз я всерьез опасаюсь за свою... Ты должен помочь мне, Кристофер. Не дай отцу совершить ужасной ошибки, не дай обвинить невинного. Помоги мне! Мне больше не у кого просить помощи.

Кристофер заметно побледнел. Что тут, черт побери, про-

исходит? С одной стороны, Эдмунд серьезно напуган, как может быть напуган только человек, чья совесть нечиста. Это ясно. Он даже не пытается замаскировать свой страх, хотя так привыкли поступать все при дворе. С другой стороны, если бы Эдмунд был замешан в покушении, разве стал бы так глупо подставляться, нарочно привлекать к себе внимание? Или он решил пойти ва-банк и найти союзника?

В чем – в новом заговоре?!

Кристофер вздрогнул. Нет, невозможно. Эдмунд всегда был слишком нерешительным и слабовольным, чтобы осмелиться на переворот. Значит, действительно так дрожит за свою жизнь? Но почему, если он не замешан, как клянется? А если инфанта прислал сам лорд Эдвард – разыграть этот спектакль и проверить его лояльность? Непохоже на правду: прежде у правителя не замечалось подобных склонностей к детективным играм... Лорд Эдвард всегда был прямолинеен.

Бред. Если так пойдет и дальше, у всех здесь скоро разовьется паранойя. И так придворные подозревают друг друга и боятся ненароком сболтнуть лишнее. Нужно сосредоточиться и вернуть себе самообладание. Медленный вдох – спокойный выдох... Так-то лучше.

– Уверяю вас, милорд никогда не даст согласие на арест, если не будет наверняка удостоверен в виновности подозреваемых, – как можно убедительнее произнес наконец Кристофер, продолжая размышлять над излишне, на его взгляд, неоднозначной ситуацией. Он вообще крайне не лю-

бил неопределенностей и требующих щепетильности моментов. – Стало быть, вам, как лицу непричастному, ничто угрожать не может. Пожалуйста, успокойтесь и возьмите себя в руки...

Резко стукнула входная дверь. Кристофер дернулся от неожиданности и нахмурился, намереваясь гневно обругать Патрика, посмеявшего прервать приватную беседу, – но вместо этого вскочил на ноги и глубоко поклонился. Обернувшийся Эдмунд побелел, как покойник, и спешно последовал примеру главы службы ювелиров, едва не опрокинув тяжелый стул.

В кабинет вошел лорд-защитник Ледума. Вошел стремительным, порывистым шагом, напроочь игнорируя правила этикета, предписывающие правителю ступать чинно. И почему это совершенно не удивило?

– Вижу, у вас тут собрание, – не дав никому и рта раскрыть, желчно заметил он. – Я объявляю его оконченным. Если вы уже все обсудили, конечно.

Повелительный взгляд лорда едва царапнул по ним обоим, но и того было достаточно, чтобы лицо Эдмунда перекошилось и выразило такой ужас, будто его застали с окровавленным ножом в руке над телом юной девственницы.

Кристофер также сошел с лица. Хочешь не хочешь, а выглядели они как типичные заговорщики, которых поймали с поличным. Только вывески на дверях не хватает: «Не беспокоить! Проходит организация государственного переворо-

та».

Опомнившись, инфант пробормотал извинения и торопливо удалился, а вечер нервного продолжился.

Впрочем, неправильно было бы сказать, что Кристофер ощущал один лишь только страх: присутствие правителя приятно раздражало нервы, подобно присутствию дикого зверя – грациозного, красивого, сильного, способного убить одним прыжком. За ним инстинктивно хотелось наблюдать, но в то же время – держаться на безопасном расстоянии. Разумное проявление осторожности, но... слабеющее с каждым произнесенным лордом словом, с каждым звуком голоса, глубокого, как подземное озеро.

– Что скажешь на это? – Не глядя, лорд Эдвард швырнул на стол бумаги, часть которых взмыла в воздух и тут же опала, ворохом выцветшей хрусткой листвы рассыпавшись по полу. Правитель никогда специально не стремился к театральности, но, похоже, та была у него в крови.

Кристофер кинулся было собирать упавшее, но помимо воли застыл, бросив случайный взгляд на лорда.

Легко узнаваемая внешность его высочайшего повелителя по праву считалась необычной: в ней практически отсутствовал пигмент. Кожа, брови и ресницы были светлыми, почти прозрачными, волосы же имели оттенок насыщенный, словно выбеленное полотно. Тем более контрастным на общем фоне выглядел единственный темный штрих: цвет радужек глаз. Такой темный, что нельзя было различить зрачка, – ви-

димом, весь цвет ушел на них.

То была не седина, а естественный тон, доставшийся, как считалось, с рождения. По крайней мере, именно таким изображали лорда-защитника портретисты на картинах разных эпох: менялись фасоны одежды, окружающая обстановка, даже техники рисования, и только строгий облик оставался неизменным.

Однако почти двадцать лет назад кое-какие изменения все же случились: после трагической гибели близнецов Эммы и Эрика лорд Эдвард, следуя традиции траура, обрезал волосы.

В те годы Кристофер был совсем ребенком и мало что понимал в устройстве мира. Всю сознательную жизнь он помнил длинные волосы правителя, ниспадающие свободно, разделенные неизменно прямо, а в торжественных случаях особым образом собранные высоко на затылке.

Однако теперь лорд Ледума надел новый траур. Волосы вновь были обрезаны: прилив холодной молочной волны едва доходил до плеч. Гладкие узкие пряди каскадом падали на лоб и чуть набок, застыв, словно схваченные внезапной ночной стужей.

Непривычно, но нельзя не признать: асимметрия стрижки придавала правителю северной столицы вид человека будущего, а не прошлого. Точные геометрические линии складывались в какие-то новые, агрессивные формы: мужчина не был больше похож на лорда со старых портретов.

Взгляд Кристофера не мог не зацепиться и за другую деталь, не столь приметную, но немаловажную: в эту минуту голову лорда-защитника венчала платиновая диадема. Несомненно, более эффектно она смотрелась бы на темных волосах. Белые пряди почти скрывали россыпь мелких бриллиантов, но великолепный алмаз в центре горел и переливался, привлекая внимание и притягивая взор. Как замороженный, Кристофер глядел в самое сердце камня, любясь прихотливой игрой света на острых гранях.

Это был «Властелин», самый крупный из ограненных алмазов.

Прозрачный и чистый, как вода, он был безупречен, давая смертным наглядное представление о совершенстве. Вместо классического симметричного восьмигранника площадка алмаза была огранена пятнадцатью плоскостями, что усиливало естественный блеск и значительно облегчало магу взаимодействие с ним. Эта трудная в исполнении непарная огранка импариант называлась также идеальной. Говорящее название.

Совершенные пропорции позволяли достичь предельной игры света внутри камня, образуя более широкий и приятный для зрения спектр. Падающие внутрь «Властелина» лучи отражались и выходили обратно, рождая блеск, который намного превосходил игру бриллиантов с четным числом граней. Камень весь казался сгустком сияющей чистой энергии.

Из-за сложности гранения, редкости и сильно проявляющихся магических свойств цена на алмазы была заоблачно высока. Они успели накопить наибольшее количество магической силы. «Властелин» же был поистине уникален: обладая сверхмощной энергетикой, он, как считалось, делал владельца непобедимым. Алмаз оберегал от всяких попыток влияний и блокировал активность находящихся рядом драгоценных камней, возвращая их энергию в качестве ментального удара.

Он обращал силу врагов против них самих.

Помимо прочего, алмаз приносил власть и богатство, сохранял ясным рассудок и значительно усиливал физические способности. Все это давало даже простое обладание камнем, искусный же заклинатель мог произвести посредством «Властелина» практически любое воздействие, ограниченное лишь его собственным потенциалом. Возможности же самого камня, по-видимому, не имели границ.

Это был символ могущества, неподвластный времени.

Тем не менее в использовании алмазов, как и других минералов высшего порядка, имелись свои нюансы и сложности. Прозрачные камни были привередливы, и овладеть ими мог не всякий, лишь человек достаточного уровня подготовки – и сильной воли. Для прочих же применение алмазов, энергозатратное само по себе, грозило смертью от истощения или помешательством.

По этой причине лорд Эдвард надевал бриллиантовую

диадему только по особым случаям. Нечасто приходилось Кристоферу видеть знаменитый алмаз, и горло невольно перехватило при мысли о силе «Властелина». Правитель решил повысить личную защиту после покушения? Скорее всего.

Лорд-защитник Ледума молчал, видя, какой эффект произвело его появление, и молчание его не сулило ничего хорошего. С большим трудом Кристофер смог наконец оторвать взгляд от лица, на которое, вообще-то, нельзя было смотреть так долго, так открыто и беспардонно, и заставил себя вернуться мыслями к разговору. Зная, что правитель никогда не повторяет вопроса, Кристофер спешно перевел взгляд на листки, о которых шла речь. Даже не беря их в руки, он понял, в чем дело.

Жемчужного цвета плотная гербовая бумага, вызывающе алые чернила, личная подпись и золотая печать правителя Аманиты! О боги, что ждет их на этот раз?

– Осмелюсь предположить, милорд, что владыка Октавиан Севир продолжил переписку?

– Разумеется, продолжил. – Лорд Эдвард поморщился. – Важно другое: Октавиан продолжает настаивать на своем. Наш ответ не удовлетворил его. Вернее, твой ответ, Кристофер.

В свое оправдание Кристофер мог бы заметить, что ответ был составлен в точном соответствии с официальными предписаниями дипломатической службы, а также личными

директивами самого правителя и детально согласован с ним же, но такая крамольная мысль даже не пришла в голову. Он вновь поднял взгляд на «Властелин», хоть и знал, что делать этого не следует.

Камень почти ослепил.

Проклятье, находиться так близко к камню невыносимо! Даже дышать становится тяжело: в воздухе словно парит мельчайшая алмазная крошка, забивает нос, рот, залепляет немилосердно слезящиеся глаза. Сердце застучало, закололо, и Кристофер пошатнулся, с трудом сохраняя равновесие. Сухой, дерущий горло кашель душил, и сдерживать его было все сложнее.

«Властелин» сиял ярче полуденного солнца.

Это было страшно и... против ожидания, почти приятно, как великолепный неотразимый удар в сердце, который нельзя не оценить по достоинству. Ничто на свете не существовало, – ничто, кроме безупречного камня. На него хотелось смотреть вечно, не отрываясь ни на миг, растворяясь без остатка в мучительном и сладком блаженстве его непостижимой природы.

Но в этом случае вечность была бы непростительно коротка.

– Ожидая ваших распоряжений. – С трудом, но Кристоферу удалось оторвать взор от древнего алмаза, однако гипнотический блеск по-прежнему стоял перед глазами. Аристократа немедленно затошнило, во рту появился чуть за-

метный привкус крови. Ах, вот даже как! «Властелин» недоволен. «Властелин» мстит.

И ведь такое воздействие на психику камень совершает, даже не «работая». Страшно представить его реальную сокрушающую мощь.

– Ознакомьтесь с этой... занудной писаниной и подготовьте достойный ответ. Позиция Ледума остается неизменной.

– Я счастлив служить вам, милорд. Прикажете приступить немедленно?

– Нет нужды торопиться, Кристофер. Это подождет до утра.

– Благодарю.

Кристофер поклонился, уже размышляя над текстом будущего письма.

Что и говорить, положение щекотливое. Стремясь упрочить пошатнувшуюся власть Аманиты, лорд Октавиан Второй Севир готовился принять титул верховного лорда Бреонии, положенный ему по праву рождения. Казалось бы, ничего необычного. Да вот незадача – официальную церемонию не проводили вот уже более ста лет, да и сам титул был скорее данью прошлому, чем реальным рычагом власти.

Лорд Октавиан не хотел мириться с таким положением дел. Он вознамерился возродить традицию прежних, канувших в Лету времен, и направил приглашения во все города Бреонии. В Аманите полным ходом готовили церемонию, полностью, во всех подробностях повторяющую древний ри-

туал, способный изменить политический рисунок на карте. Все правители обязаны были явиться, чтобы принести старую клятву верности и признать над собой абсолютную волю верховного лорда.

Такой поворот событий вызвал переполох в высшем обществе и, по сути, разделил страну на два лагеря. Часть лордов-защитников, сохранивших зависимость от Аманиты, готовы были пойти на это, так как все равно ничего не теряли. Остальные задумались и пока временили с ответами. Выбор стоял непростой: расставаться с независимостью не желали, тем более что многие давно уже с большей опаской смотрели в сторону Ледума, нежели Аманиты. Однако никому не хотелось войны, которая отчетливо замаячила на горизонте, а тем паче – становиться в этой войне первой глупой жертвой.

В конце концов, покидать город было опасно: кто знает, не решится ли лорд Октавиан на резню, вероломно желая устранить всех неугодных одним ударом? Сложно, но на своей территории он сумел бы подготовиться достойно. Да и полисы на время оставались без защиты лордов, что могло спровоцировать нападение обитателей Пустошей и Леса.

В общем, подумать тут было о чем, и тяжелые переговоры с Аманитой велись уже не первую неделю.

– Прошу прощения, милорд, – торопливо окликнул Кристофер, видя, что правитель намеревается уходить. – Разрешите выполнить просьбу инфанта и передать вам его слова. Собственно, эта простая просьба и послужила единственной

причиной сегодняшнего позднего визита.

– Я слушаю.

Лорд Эдвард обернулся на полпути к выходу. В темных глазах его мелькнули и погасли искорки легкой заинтересованности.

– Престолонаследник потрясен случившимся и безмерно оплакивает брата, однако слухи о его собственной причастности к заговору весьма... хм... тревожат светлейшего инфанта. Если быть точным, он с трепетом ожидает вашей реакции... – Кристофер замялся. – Вероятно, трагические судьбы двух старших братьев, в свое время попытавшихся устроить заговоры, серьезно пугают Эдмунда.

– Может, есть основания для страхов?

– Не думаю, если милорд пожелает знать мое скромное мнение... Но не буду брать на себя много: специалисты особой службы разберутся лучше главы ювелиров. Ведь эту версию также рассматривают?

– Разумеется. Это все?

– Да, милорд. Примите еще раз заверения в моей искренней радости. Счастливый случай избавил всех нас от катастрофы, равной которой Ледум еще не знал. – На губах Кристофера появилась та особенная слабая разновидность улыбки, которая демонстрирует не страх, не унижение, не заискивание даже, а полное, безоговорочное подчинение. – Ведь город любит вас, как бога.

Лорд Эдвард равнодушно передернул плечами и отвер-

нулся.

– Я и есть ваш бог, Кристофер.

И это была не ложь.

Глава 6, *в которой проясняется ценность молитвы и неожиданно звучит слово «война»*

Завершив молитву, Себастьян приступил к вечерней трапезе.

Молился он не слишком долго, памятуя о том, что Создатель не любит многословий, однако искренне. В эти мгновения разум чудесным образом очищался от всего суетного, наносного, от привязчивых мыслей и эмоций. Он уносился ввысь и наполнялся гармонией, которую трудно передать словами.

– А ты чего не ешь? – Себастьян, морщась, сморгнул зыбкую поволоку и согнал с лица благостную улыбку.

Пристальный, испуганно-настороженный взгляд Софии позабавил. Пялится на него, как на юродивого какого-то, ей-богу.

– Прошу прощения, – София поспешно опустила глаза в тарелку, с преувеличенным интересом изучая содержимое, – за бестактность.

Луковая похлебка была простенькой, зато горячей, густой и наваристой. К сожалению, это единственные достоин-

ства сегодняшнего ужина. В гостинице, куда им спешно пришлось перебраться, кормили не в пример хуже, чем в «Старой почте», даже хлеб подавали самого низкого качества – овсяный, с ощутимой добавкой отрубей и подгнившего гороха.

– Должно быть, сэръ, я вас смутила чрезмерным вниманием.

– Вовсе нет. – Не торопясь, но и не мешкая, Себастьян принялся флегматично уплетать свою порцию. – Я не столь впечатлителен, как кажется. Знаю, в это трудно поверить. Но что есть, то есть.

Шутливый ответ его мало удовлетворил: любопытство явно раздирало Софию своими кошачьими когтями. Пару минут она молча ожидала разъяснений, которых, увы, так и не услышала. Себастьян полностью сосредоточился на приеме пищи, как будто напрочь позабыл про существование собеседницы.

Пришлось поднимать щекотливую тему самой.

– Кажется, теперь я понимаю, почему вас прозвали Серафимом.

– Да? – Себастьян на миг перестал стучать ложкой. – А я вот до сих пор теряюсь в догадках. Неужели у меня и впрямь за спиной – шесть пламенных крыльев? Немного вычурно, на мой вкус. А я человек скромный и не люблю привлекать внимания.

Он даже обернулся, словно желая проверить состояние

воображаемых крыльев. Искаженная улыбнулась, хотя выглядела при этом довольно растерянно: должно быть, его уверенный тон и спокойствие заставляли усомниться в однозначности сказанных слов.

– Не знала, что в Лесах Виросы влияние Церкви по-прежнему сильно, – издалека начала София. – С другой стороны, это как раз-таки неудивительно. Там склонны жить по старым правилам и отвергать прогресс.

– Ты ошибаешься, – сухо отрезал Себастьян. – Точнее, делаешь неверный вывод из правильного вроде бы суждения. Среди лесных людей Церковь никогда не была сильна. Издревле они верят в иное.

– Во что, например? – В глазах девушки зажглись жадные искорки любопытства. Как у ребенка, которому вот-вот расскажут новую захватывающую сказку.

– В живую землю. В духов леса. В альбов, обитающих в глубоких озерах. В драконов, наконец. – Себастьян пожал плечами, не желая слишком отвлекаться от еды. – То есть в то, что можно увидеть своими глазами.

София поехала, и на ее лице появилось выражение плохо скрываемой брезгливости.

– Должно быть, ужасно всю жизнь находиться бок о бок с этими чудовищными существами. И как только люди выживают в условиях совершенной дикости? Наверное, заветная их мечта – умереть легко и спокойно...

– Они отказались от магии и механики, – ухмыльнулся

Себастьян, продолжая методично уничтожать продукты. С похлебкой было покончено, и наемник принялся за квашеную капусту. На отсутствие здорового аппетита он никогда не жаловался. – Может быть, за это они приобрели кое-что другое.

София недоверчиво фыркнула, вздернув хорошенький носик:

– Что они могли получить? Жизнь в окружении монстров, культурную отсталость, страшные болезни Пустошей? Они даже не осознают, чего лишены, не понимают всех ужасов положения. Может, несчастные и довольны своей жизнью, но мне их жаль.

В ответ Себастьян только снисходительно улыбнулся и промолчал. И что же делать ему с этой смешной прилипчивой девочкой? Попробуй сейчас отвязаться – скажет, зачем тогда было спасать?

И действительно – зачем?

– А это был бы неплохой вариант для Искаженных, – совершенно серьезно заметил ювелир. – За непереносимость камней никто преследовать не будет, магия в Лесах не в чести. И воздух чистый, не загрязненный смогом и непрерывными магическими вибрациями. Все лучше, чем в городах чахнуть, день за днем дрожа от страха. Цепляться за существование, которое и жизнью-то не назовешь.

София потупилась, вновь обратившись к нетронутой тарелке. Похлебка успела остыть и вызывала еще меньше ап-

петита, если такое было вообще возможно.

– Все так, но... – Она замялась, лениво ковыряя ложкой схватившуюся гадкой пленкой жижу. – Вся наша цивилизация основана на магии драгоценных камней. Этого нельзя отрицать. Камни – это источники энергии, которые дают много возможностей и благ... Совсем без них нельзя – остановится прогресс, Пустоши наступят и поглотят очаги человеческой жизни. Нелюди уничтожат нас. Я хорошо понимаю это. Должно быть, так правильно. Просто мы... неправильные. Просто случайные ошибки. Мы не нужны этой системе, но существовать вне тоже не можем. Да и какая страшная судьба ждет нас за стенами городов: быть предоставленным на милость природе, сурово страдать от холода и жары, засух и дождей, лесных пожаров? Каждый день выживать? Сражаться с мерзкой нечистью за свое право жить, а не быть съеденным заживо?

Она помолчала немного, все еще не поднимая на Себастьяна глаза.

– Да, здесь страшно, но, по крайней мере, мы знаем в лицо то, чего боимся, – словно оправдываясь, неловко объяснила София. – Мы знаем, что нас ждет, в лучшем случае и в худшем. А что там? Неизвестность пугает сильнее, чем инквизиторские пытки. Чем высокомерие магов, чем презрение общества. Мы научились приспособливаться и прятаться, но не противостоять. У нас нет сил для борьбы. Слабый должен опасаться сильного – таков закон. Здесь мы имеем дело толь-

ко с людьми, и это не так жутко. Наш лорд гарантирует защиту города от монстров. Да, Искаженные тоже признают его власть. Мы верим в его защиту, и мы готовы платить за эту безопасность дорого... Иногда кажется, что слишком дорого. Возможно, мы выбираем меньшее зло, возможно, нет... Вы меня осуждаете?

Впервые за время ужина София осмелилась взглянуть Себастьяну в лицо. Ювелир догадывался о причинах этой инстинктивной скованности: в глазах его есть нечто нечеловеческое, непонятное. Даже цвет – зеленый до невозможного. Таких цветов нет в мире людей. Просто нет, и все.

Это краски иного, незнакомого им мира.

– Я не судья, – отрицательно покачал головой Себастьян, дипломатично уходя от ответа. – Каждый живет так, как умеет. Как считает приемлемым. Каждый делает выбор.

– Вы говорите как проповедник, – расстроено вздохнула София. – Так же правильно и равнодушно. Расскажите мне о Церкви. Разве она еще существует в городах? Если это слишком личная тема, расскажите хотя бы, чем вы заняты сейчас, какой заказ выполняете. Расскажите о камнях. Это будет полезно для меня. Ведь я буду помогать вам.

Себастьян ничего не ответил. Он уже завершил трапезу и вновь приступил к короткой молитве. Это было так привычно и естественно, как дыхание. Ювелир и не предполагал, что может быть иначе.

Искаженная сердито сверкнула глазами и принялась на-

конец есть свою стылую похлебку. Непростой разговор был окончен.

Следующие полчаса тянулись медленно, в гнетущем молчании. Себастьян напряженно размышлял, но не торопился делиться мыслями. София закончила ужинать и выжидательно посмотрела на него.

– Я расскажу тебе нечто более интересное и важное. – Ювелир наконец нарушил колючую тишину, пружинистым движением поднявшись на ноги. – Несложные правила, которые позволят нам быть довольными друг другом. Итак, первое: не приставать ко мне с расспросами. Второе: без пререкания делать то, что я скажу. Третье: не нарушать первых двух, никогда. Видишь, их не так много. Справишься?

София обиженно поджала губы и молча кивнула.

– Вот и славно. Взамен я постараюсь обеспечить твою безопасность в этом беспокойном городе. По крайней мере, пока я здесь, а это, сразу говорю, ненадолго. Меня не интересует твое прошлое, и я также не стану задавать неудобных вопросов. Мне кажется, это очень хорошая сделка.

Себастьян накинул плащ, застегнул пояс с пламенеющей шпагой и даго. Он не особенно беспокоился о внешности, но каким-то естественным образом выглядел элегантно – настолько, насколько может быть элегантен бродяга. Подходило время вечерней тренировки – вот что действительно интересовало ювелира. Сейчас он выйдет во внутренний дворик, разомнется хорошенько в полной темноте и одиноче-

стве, и воздух запоет от его танца, и клинки его тоже будут петь. Сознание окончательно прояснится.

Танец с клинками так же эффективен для концентрации, как и молитва. А ясность ума сейчас ох как необходима. Нужно тщательно обдумать дальнейшие действия: разговор с Маршалом не дал ровным счетом никаких зацепок, скорее наоборот – новые вопросы, новые сомнения. Все-таки придется, видимо, поработать с черным турмалином напрямую. Как же не хочется этого. Впрочем, он еще не виделся со Стефаном... Но будет ли смысл в этой встрече?

Неожиданно для самого себя в дверях Себастьян задержался. На душе вдруг стало как-то пакостно, как если бы он кого-то незаслуженно обидел. Но ведь это было не так, правда?

Проклиная себя за излишнюю мягкость, ювелир обернулся. София сидела, надувшись, яркие карие глаза померкли. Глупая упрямая девчонка. Но какая же красавица. Такие не для него. Она слишком хороша, чтобы быть правдой.

Увы, опыта общения с избалованными барышнями у наемника не было. Себастьян не имел ни малейшего представления, как лучше поступить, как повести себя достойно. И об этом тоже стоило поразмыслить, успокоившись. Принять холодное взвешенное решение – и по возможности правильное.

Раздосадованный на самого себя, Себастьян плотно сжал губы и отвернулся. Тихонько прикрыл за собой дверь, едва

удержавшись, чтобы сторяча не хлопнуть ею. Как непохоже это все на него. Куда подевалось самообладание легендарного Серафима?

Тревожно было на сердце. Новорожденная луна была еще совсем слаба: узкий серебряный серп скрыли тяжелые тучи. На улице снова сыро и промозгло. Предвестник бурь, южный ветер, тоскливо завыл за окнами свою песню, от которой хотелось укутаться поплотнее в теплый шарф.

Темное небо ждало безупречного танца его клинков. Не говоря ни слова, Серафим вышел в ночь.

* * *

Когда Кристофер переступил порог покоев правителя Ледума, лорд Эдвард в задумчивости рассматривал серебряный перстень, лежащий перед ним на декоративном подносе.

По большому счету разглядывать-то тут было нечего: перстень как две капли воды походил на его собственные «Глаза Дракона»... но только внешне. Внутренняя сущность была иной: простая стекляшка, не обладающая никакой особенной энергетикой. Подделка. Пустышка, которой не обмануть ни одного мало-мальски способного заклинателя.

Естественно, никаких отпечатков ауры вступавших с ним в контакт перстень также не сохранил, да и сохранить не мог. Тем не менее опытный маг различил бы слабое искажение естественной структуры камня, которое могли вызвать толь-

ко разрушительные эманации страха. Но уж это было совершенно бесполезной информацией – разве что самолюбие потешить.

Не прошло и часа, как Винсент, глава особой службы, доложил правителю, что подделку нашли в комнатах его сына, инфанта Эдмунда, в одном из настенных тайников. Неудивительно, что тот так трясся последние дни, даже заявился искать поддержки. Страх, одно из сильнейших человеческих чувств, искажал природу любой материи.

Копия была выполнена превосходно. Значит, тот, кто изготовил или заказал ее, имел доступ к оригиналу. Или феноменальную память, чтобы в точности воспроизвести однажды увиденный перстень.

В этом еще предстояло разобраться особой службе.

Винсент, похоже, явился со своей находкой очень некстати: две полуодетых прелестницы, притихнув, ожидали, когда внезапно помрачневший правитель оторвется от медитативного созерцания перстня и вновь одарит их своим высочайшим вниманием. Но про них забыли. Кажется, вечер лорда Эдварда был безвозвратно испорчен.

– Подите прочь, – негромко приказал Кристофер, мгновенно оценив ситуацию. – Оставьте нас.

Заскучавшие красавицы не заставили просить себя дважды. Сделав реверанс, торопливо прошмыгнули мимо остановившегося на пороге главы службы ювелиров, и тот сам закрыл за ними двери.

– Что скажешь, Кристофер? – не оборачиваясь, лениво задал вопрос лорд Эдвард. – Эдмунд смог внятно объяснить хоть что-нибудь? Вы ведь с ним, кажется, близки.

– По вашему распоряжению, милорд, я поговорил со светлейшим инфантом. – Привыкший к манере общения правителя Кристофер пропустил последнее колкое замечание. – Он охотно пошел на контакт и сообщил мне все, что знал. В день убийства Эдмунд заметил, что брат надел не свой перстень. Поэтому, ведомый исключительно благими побуждениями, он забрал оставшуюся копию и направился к Эдгару, дабы разъяснить тому недоразумение и поменять перстни, пока не случилось худшего. Однако было поздно: когда Эдмунд обнаружил брата, тот был уже мертв. Испугавшись, Эдмунд скрылся с места происшествия. Все эти факты он утаил, а копию спрятал, так как опасался, что подозрения неизбежно падут на него.

– Вот как. – Развернувшись вполоборота, правитель сделал знак подойти. – Какая занимательная история.

Кристофер вздрогнул от неожиданности и, церемонно поклонившись, встал, куда было указано. Аристократу стало не по себе: со стороны могло показаться, будто он сам выдумал эту несурязицу, а не передал сбивчивые речи насмерть перепуганного престолонаследника.

– А как, скажи мне, Эдмунд сумел заметить, что брат взял не свой перстень, если сам не в состоянии даже отличить подделку от оригинала? – Губы лорда Эдварда кривила пре-

зрительная усмешка.

– Он определил по футлярам, милорд.

– Неужели? – Усмешка стала почти зловещей. – А какого черта он вообще делал в хранилище? И для чего полез в футляры? Вопросов много, слишком много. Но даже того, в чем он уже признался, с лихвой хватит на обвинение в измене правящему дому. Остальные обстоятельства дела пусть выясняют специалисты особой службы. Винсент лично займется им.

На месте Эдмунда Кристофер не обрадовался бы такому повороту: глава особой службы Ледума снискал поистине ужасающую славу. Этот внешне непримечательный, худощавый, убийственно-спокойный человек, как и все руководители военизированных подразделений, не был магом, но мог выпотрошить мозг любому – и извлечь оттуда нужную информацию. Причем состояние этого самого мозга волновало Винсента в последнюю очередь, особенно если использовать допрашиваемого дальше не было необходимости. Нервные срывы, страхи, истерические припадки и настойчивые попытки свести счеты с жизнью были обычным явлением, хотя к подозреваемым никогда не применяли методы физического воздействия.

Важным плюсом в работе Винсента было то, что он не выбивал псевдопризнательные показания пытками, а заставлял людей говорить чистую правду без утайки, как на исповеди духовнику, и почти так же страстно. Допросы могли длиться

пятнадцать минут каждый день, а могли продолжаться без перерыва часами – к каждому он находил индивидуальный подход.

– Прикажете распорядиться о взятии под стражу и полномочном допросе в Рициануме?

Лорд Эдвард повременил с ответом, пристально вглядываясь в грани искусственного турмалина. Те были безукоризненны – и пусты.

– Нет, – сказал он наконец. – Пока только домашний арест. Полностью ограничить в общении, пище, воде. Подождем самое большее пару-тройку дней. Сам разговорится, если есть что сказать.

Кристофер молча поклонился. Расчет лорда Эдварда был ему ясен: вынужденное одиночество в заключении психологически тяжело и, в особенности для людей слабых духом, часто страшнее пыток. Очень эффективно, не требуется прилагать никаких дополнительных усилий. Несчастные быстро приходят в угнетенное состояние сознания и начинают пытаться себя в своем воображении. Многие ломаются – если пережать, даже сходят с ума. Поэтому изоляцию нужно грамотно перемежать с допросами. Ну, за этим дело не станет.

– Возьми перстень и покажи ювелирам. – Лорд Эдвард приложил ладони к вискам и тяжело прикрыл веки. – Пусть хорошенько его изучат и сделают заключение. Возраст копии, почерк мастера, отличия в исполнении от оригинала... В общем, сам знаешь.

– Разумеется, милорд.

В ведомстве Кристофера находилась вся служба фамильных ювелиров: от подмастерьев-огранщиков до охотников, традиционно обеспечивающих безопасность и осуществляющих различные силовые операции. Должность главы службы ювелиров не слишком влиятельная, вдобавок подразумевающая высокую степень ответственности и постоянный личный контакт с правителем. Впрочем, хорошо это или плохо, сложно было сказать однозначно.

– Ты уже ознакомился с новым посланием из Аманиты, которое я направил тебе?

– Да, милорд. – Кристофер невольно похолодел и подавил малодушное желание отступить на шагок-другой. Делать этого было нельзя.

Нынешний ответ Октавиана пришел быстро. И был еще суше, еще жестче и требовательнее, чем прежде. Правитель Аманиты настаивал, чтобы церемонию провели – и провели по всем правилам, включая древний обряд простиранья, о чем было указано особо.

Страшно представить гнев лорда Эдварда, когда он прочел ту возмутительно дерзкую эпистолу.

Лорд Октавиан Второй Севир был одним из тех, про кого говорят «родился с серебряной ложечкой во рту». Высокое происхождение одарило его многим. Наследник самой древней и могущественной из правящих династий Бреонии! Дом Севилов был благороден, многочислен и крепко удерж-

живал в руках власть в течение последних четырех сотен лет. Семейное древо Октавиана казалось самым ветвистым среди аристократов Бреонии, и среди его листочков не затесалось ни единого простолюдина или, упаси Создатель, чело- века смешанной крови.

В сокровищнице Аманиты накопилось множество драгоценных минералов, а также знаний по их практическому применению. Традиционно отпрыски дома Севиров предпочитали использовать благородные красные корунды, именуемые в простонародье рубинами.

Эти великолепные камни первой категории ценились порой даже выше алмазов – в особенности крупные, хорошо окрашенные, без каких-либо дефектов. Мощь красных корундов была так велика, что их называли сгустками крови драконов, хотя наиболее высоко котировались рубины цвета голубиной крови – густо-красные с пурпурно-фиолетовым оттенком. Они считались камнями власти и особой магической силы. Но все-таки в большинстве своем они не обладали таким могуществом, как алмазы, а использование их вытягивало почти столько же энергии.

Однако в дурном повороте последних событий Кристофер не видел своей вины. Он выдержал официальную эписто- лу Ледума в максимально спокойных, учтивых тонах, ко- торые в то же время не давали повода усомниться в твердо- сти озвученной позиции. Это был ответ, к которому не при- дратья даже опытнейшим из дипломатов!

Но если уж молодой лорд Октавиан Севир действительно настроен серьезно, его не удовлетворить и гениальной отпиской. Увы, Аманита настойчиво ищет повода для конфликта, а значит, она его найдет. Помешать этому невозможно, по крайней мере, на дипломатическом уровне. Дипломатия – мощный инструмент, но всего лишь инструмент. И она не всесильна. Именно дипломатия идет на поводу у политики, не наоборот.

– Полагаю, – правитель был на удивление спокоен, и спокойствие это пугало много больше привычно дурного расположения духа, – дальнейшая переписка бессмысленна. Во всяком случае, со столицей: позиция Аманиты предельно ясна. Подготовь послания к лордам лояльных мне городов. Пусть готовятся к войне.

Кристофер обмер. Конечно, к этому и шло, но слово «война» все равно прозвучало неожиданно и откровенно, как признание в любви между давно опостылевшими супругами. О вероятных вариантах развития щекотливой ситуации уже шли пересуды в народе и высшем обществе, но никто не решался предположить такого – самого страшного – варианта.

По крайней мере, произнести вслух.

Похоже, в Аманите твердо решили расставить все точки над *i*, пусть даже пожертвовав для этого натянутым приговорным миром. Ледум не может бесконечно балансировать на неверных канатах дипломатии: на словах соглашаться со столицей, а на деле упрямо гнуть свою линию. Нейтралитет

больше не удержать: пришло время либо отказаться от притязаний, либо принять вызов и сражаться.

Сражаться всерьез, возможно, до последней капли крови.
...Так, значит, все-таки война.

Глава 7, ***в которой выясняется, насколько*** ***пагубные последствия имеют*** ***пытки электрическим током***

Чертыхаясь, Себастьян чуть ли не с боем прорывался сквозь сплошную серую стену дождя, который лил, не переставая, с самого раннего утра.

Такое положение дел считалось в порядке вещей: энергетическое поле Ледума было сильно повреждено мощными излучениями минералов, а потому погода вела себя неустойчиво и почти всегда агрессивно. В других городах Бреонии дела с климатом обстояли немногим лучше.

Горожане привыкли к невиданным в прежние дни явлениям: к разной интенсивности дождям, практически беспрерывным; к неожиданно сменявшимся их периодам адской жары; к затяжным снегопадам, к скачкам температуры зимой; к тому, что посреди лета запросто может посыпать град. Сами сезоны размылись. Комфортной погоды попросту не существовало, если, конечно, насильственным путем ее не устанавливал сам лорд. Но долго сдерживаемая стихия бесилась после еще сильнее. В результате почти повсеместно приняли официальные законы о запрете регулирования

метеоусловий, за исключением случаев чрезвычайной важности. Например, когда требовалось остановить стихийное бедствие, если вред от него превышал предположительные последствия вмешательства в дела небесной канцелярии.

Стефан – цель смелой вылазки в нелетную погоду – поселился в такой же бедненькой гостинице, как и та, где жил сам Себастьян, она даже располагалась в том же районе.

Да что уж там – отличие заключалось по большому счету только в названии.

Хозяин буркнул, что постоялец у себя, но при этом глянул на потревожившего его невинным вопросом посетителя как-то особенно неприязненно. Заподозрив неладное, Себастьян поспешил подняться на второй этаж, где и притаились одинаково скромные тесные комнатки. Теперешнее обиталище Стефана находилось в самом конце коридора.

Сам коридор был тих, безлюден и полностью лишен освещения. В принципе, ничего из этого не выходило за рамки нормы, но Себастьян отчего-то насторожился, подспудно оценивая обстановку. Медлить, однако, не стоило. Двигаясь с текучей грацией, сальф тихо скользнул вперед, шестым чувством минуя предательски скрипящие половицы, и остановился перед нужной дверью. Вода ручьями струилась с плаща и шляпы, и на полу оставались следы, темные и блестящие, неприятно похожие на кровь. На пару мгновений Себастьян замер, чутко прислушиваясь. Изнутри не доносилось ни звука, а сама дверь создавала впечатление незапер-

той. Может, просто плохо прилегала к косяку?

Поколебавшись долю секунды, Себастьян осторожно толкнул ее. Дерево плавно подалось, с готовностью открывая темное и неприветливое нутро комнаты, судя по всему, совершенно пустой. Себастьян нахмурился. Это какая-то шутка? Хозяин ясно подтвердил, что Стефан здесь. Да и куда можно направиться в такую непогоду? И где, черт побери, остальные постояльцы?

Странно, очень странно. Приготовив на всякий случай шпагу, Себастьян медленно вошел в комнату. Плотные шторы были задернуты, однако он видел в вязкой полутьме как кошка – даже еще лучше.

Как сильф.

Потому-то движение черного сгустившегося воздуха никак не могло остаться незамеченным. Метнувшаяся сбоку тень, по всей вероятности, не собиралась тратить время и силы на всякие глупости вроде мирного диалога: в руке у нее тускло блеснул нож...

...Который в следующий миг оказался на полу, там же, где и сама тень. Вообще видеть тени на полу как-то привычнее. Однако в этой почудилось что-то знакомое.

– Стефан? – удивленно спросил Себастьян, почти задушив нападавшего массивной рукоятью шпаги. Все произошло бесшумно и молниеносно. Годами тренированное тело выполняло несложные действия уже без участия разума.

– Серафим? – в голосе тени слышалось облегчение.

Прекратив беспомощно трепыхаться, она покорно обмякла у него в руках. – Какая радость! Слава Создателю, это ты!

Не слишком-то разделяя восторги незадачливого убийцы, Себастьян тем не менее оставил того в покое и шагнул к окну. В следующий миг серый свет дня хлынул в комнату, обнажив всю ее унылую нищету. И еще – высветил явные следы обыска, неторопливого и тщательного. Так вызывающе уверенно, не скрываясь, не спеша, обыскивают не воры, не шпионы – только представители власти. Любопытно.

Закашлявшись, Стефан с трудом сел на полу, обхватив руками острые колени. Он выглядел нехорошо: синюшная бледность, сухие воспаленные глаза с красными лопнувшими капиллярами, на правом виске чернел небольшой ожог. Вид затравленного, измученного человека.

– Что произошло? – Себастьяна передернуло от банальности и сухости собственного вопроса, но он был необходим.

– Здесь были охотники, – тихо ответил Стефан и сразу утратил всякий интерес к происходящему. Бессмысленно уставившись в пространство перед собой, он вдруг принялся монотонно раскачиваться из стороны в сторону.

Со злости закусив губу, Себастьян одним движением вложил шпагу в ножны. Профессионал должен быть скуп на эмоции, это всем известно. Ему полагалось бы испытать умеренное разочарование и ретироваться, не теряя драгоценного времени. Выяснять здесь что-либо не имело смысла: его снова опередили! И судя по тому, что Стефан жив и даже на

свободе, опередившие ничего не нашли.

Это если смотреть объективно. Но, хорошо это или плохо, Себастьяну всегда трудно давалась чертова неуловимая объективность. Существует ли вообще в мире что-нибудь действительно объективное, оторванное от наших чувств? Или объективность – только иллюзия, химера, которую невозможно поймать за хвост?

Видеть товарища в таком плачевном состоянии было больно. Не как профессионалу – как человеку. Произвол охотников все усугубляется. Никто не может дать им отпор.

Вдруг, метнув на Себастьяна подозрительный взгляд, Стефан резко вскочил на ноги.

– Ты ведь тоже за этим пришел, так ведь? – хрипло шептал он, медленно пятась к стене. – И тебе понадобился проклятый черный турмалин?!

Со все возрастающей тревогой Себастьян смотрел на Стефана: тот однозначно был не в себе. Однако на нем никаких зримых следов побоев или пыток. Что даже странно: обычно охотники не церемонятся. Так что же оказало на товарища такое сильное воздействие?

Стефан никогда не отличался особенной храбростью, но и среди совсем уж истеричных невротиков тоже замечен не был.

– Успокойся, Стефан, – негромко, но внятно произнес Себастьян. – Не бойся: я пришел просто поговорить. Положись на меня. Расскажи мне все. Как старому другу.

Стефан глубоко вдохнул, пытаясь взять себя в руки. Тусклые глаза близоруко шурились, глядя с жалобным испугом. Казалось, даже слабый свет дня, льющийся сквозь грязные стекла, сейчас раздражал их. Себастьян обернулся и обнаружил очки Стефана тут же на полу. Они были разбиты или, скорее, раздавлены ударом каблука.

– Не лезь ты в это дело, Серафим, – устало посоветовал Стефан, отвернув изможденное лицо. – Посмотри, что они сделали со мной. Не знаю, сколько тебе посулили, но это слишком опасные деньги. Не рискуй напрасно – жизнь все равно дороже.

– Жизнь моя принадлежит Создателю. – Себастьян пожал плечами, недоумевая, почему всем так хочется отговорить его от дальнейших поисков, тем более что опасность – неперемное условие ремесла ювелира. И он знал об этом, выбирая свой путь. – Мне нет нужды заботиться о ней, потому что Изначальный позаботится лучше.

– Говорят, на Изначального надейся, но и сам не складывай рук. – Стефан слабо улыбнулся. Задумался, мучительно припоминая недавние события. – Они нашли деньги... Говорят, откуда столько? Не желали верить, что я могу зарабатывать честным трудом...

По правде говоря, для Себастьяна самого оставалось загадкой, как Стефан до сих пор умудряется держаться на плаву, оставаясь в их непростой профессии. Нет, для самоучки теоретическая база его была довольно-таки внушительна,

но когда дело доходило до практики... С другой стороны, не каждый становится профессионалом высокого класса. И даже у них иногда случаются осечки.

По складу характера Стефан был скорее ученым, исследователем, слишком интеллигентным для грубой прозы жизни. Про таких говорят «не от мира сего». В конце концов, бедняге не оставалось ничего иного, как промышлять мелкой торговлей. На долю горе-ювелира приходились простые смертные, которым можно было продать втридорога приятные безделушки, – совершенно безопасный стабильный бизнес. И пусть он не приносил особого дохода, зато позволял не протянуть ноги с голоду.

– Охотники привязали меня к кровати, – чуть слышно продолжил Стефан, совсем вжавшись в стену, будто надеясь слиться с ней и исчезнуть. – Сунули в рот кляп и смазали кожу какой-то холодной липкой жидкостью. Потом приложили к вискам электроды, подключенные к прибору, похожему на небольшой ящик. Они называли прибор конвульсатором и с удовольствием, в подробностях объяснили, что он генерирует электрический ток, которым меня и будут пытаться до тех пор, пока я не выложу все, что знаю.

– Бог мой... – Себастьян похолодел, воображая все ужасы новых технологий, если их передать в руки военных, спецслужб или инквизиторов. И почему прогресс первым делом пытаются направить во зло? Почему нельзя изобретать то, что будет облегчать людям жизнь, и без того непомерно тя-

желую? – Непохоже на охотников.

– С ними был маг. Он и вел допрос.

– Маг? – Себастьян мгновенно насторожился. – Как он выглядел?

– Аристократ. Черные волосы, а глаза прозрачные, как сапфиры. Одет очень дорого, с лоском.

Кристофер? Себастьян был почти уверен в этом: глава службы ювелиров всегда выглядел безукоризненно. Должно быть, лорд Эдвард поручил ему лично заняться этим делом и разобраться со всеми элементами вне закона, возможно причастными к покушению. Сам Серафим, Стефан, Маршал... Надо же, какой разный подход нашел он к каждому. Интересно, чем был обусловлен именно такой выбор?

– Когда через мозг проходит электрический разряд, – прервал ход его мыслей Стефан, нервно озираясь, – возникает припадок, похожий на эпилептический, и продолжается где-то около минуты, может, больше – сознание при этом почти теряешь. Это ужасно. Судороги такие сильные... Я боялся, что сломается позвоночник или случится вывих суставов. Может, так и произошло бы, если бы ремни не держали меня. Дышать при этом невозможно, и даже после припадка дыхание восстанавливается не сразу, выступает ледяной пот. И как только сердце выдержало? Чувствуешь себя ничемным... Выжатой тряпкой, а не человеком... И тошнота...

– Что они хотели узнать? – Себастьяну было довольно подробностей.

Если честно, даже странно было, что Стефан с таким упованием пускается в эти малоприятные нюансы. Обыкновенно жертва старается забыть о насилии или как минимум не рвется предаваться рефлексии.

– Не участвовал ли я в похищении шерла правителя, и не известно ли мне что-нибудь, что может помочь следствию, – равнодушно воспроизвел вопросы Стефан. – Спрашивали, с какой целью я покинул Аманиту и прибыл в Ледум.

Аманиту? Себастьян вновь удивился. Еще одно загадочное совпадение, если такие вообще бывают. Значит, Стефан тоже приехал из столицы? А ведь там они даже не пересеклись. Впрочем, древний город велик... Даже Ледум не может соперничать с ним в размерах.

– Эту процедуру они повторили несколько раз, пока я, наконец, не впал в ступор, – мрачно продолжил Стефан. – Или, может, это был глубокий обморок. Так или иначе, придя в себя, я совершенно ничего не помнил! Сознание было спутано, координация и речь нарушены. Долго я вообще не соображал, кто я и где нахожусь, но постепенно память восстановилась. Однако лучше бы я свихнулся или умер. Как теперь жить? Пропал я. Эти скоты забрали все сбережения: инструмент, камни, деньги за копию...

Стефан сокрушенно покачал головой и сел на смятую кровать. Та противно заскрипела.

– Копию? – не понял Себастьян, разом превратившийся в слух.

– Да. Разве я не сказал? Я ведь сделал копию одного из «Глаз Дракона». Превосходную копию, кстати, не отличишь от подлинника... Черт, голова до сих пор раскалывается...

Себастьян обмер. Вот так новости. Все интереснее и интереснее.

– А ты сознался в этом охотникам, Стефан? – осторожно спросил сильф, присаживаясь рядом.

Стефан надолго задумался, страдальчески морща лоб.

– Знаешь, Серафим, думаю, это был экспериментальный образец конвульсатора. Может, они переборщили с разрядом, но уже после первого припадка я утратил всякую адекватность. Я был словно оглушен: плохо понимал, что происходит, что они говорят, что говорю я... Да и говорил-то с трудом: с губ текла клейкая слюна, выделялась какая-то дрянь... Какая-то кровянистая пенистая мокрота. В груди клокотало. Помню, я что-то кричал... А что именно – черт его знает. Может быть, посылал их всех куда подальше... Не помню...

Себастьян недоуменно нахмурился. Стефан вел себя все неестественнее. Рассуждения его никак не укладывались в рамки поведения нормального человека. Возможно ли это: так отстраненно говорить о собственном допросе, пытках, делать выводы о страшном эксперименте, в котором якобы что-то пошло не так? Как будто и не с ним вовсе происходил кошмар... Это выглядело подозрительным.

Или действительно проще отстраниться, не принимать то-

го, что произошло?

Хотя, возможно, стоит списать странности на любознательную натуру Стефана, всегда питавшего интерес к механике и новаторским разработкам... Но не до такой же степени! Или все-таки до такой?

Трудно утверждать определенно.

– Кто заказал тебе копию шерла?

Стефан тоскливо посмотрел на гостя. Себастьян почувствовал смутные угрызения совести, будто это он виновен в неважном состоянии товарища. Может, следовало оставить его в покое, дать отдохнуть... Но ведь нельзя просто взять и уйти, ничего не выяснив? Тем более дело явно принимало серьезный оборот, и спросить позже случай может и не представиться.

– Не знаю. – Стефан развел руками, поняв, что разговора не избежать. – Да меня это и не интересовало. В Аманите я получил бандероль с заготовкой камня, рисунком, чертежами и подробнейшими инструкциями. Там же был указан день, в который я должен приехать в Ледум и привезти готовую копию.

– Кому и как ты ее передал?

– Личной встречи не было. – Стефан покачал головой. – Ко всему прочему прилагался ключ арендованной багажной ячейки. Покинув дирижабль, я направился на городской вокзал, сразу же открыл нужную ячейку и оставил там заказ. Время было час пополудни. Внутри меня ждал обещанный

гонорар, две сотни золотых монет, все по-честному. Никогда не держал в руках таких больших денег... – Он расстроено вздохнул. – На следующий день в это же время я снова пришел на вокзал и сдал ключ служащему, выполнив все точно так, как было указано в письме. Должно быть, заказчик заранее подготовил свой дубликат ключа и в течение суток забрал заказ.

– Это ясно. – Себастьян мысленно присвистнул, поражаясь осторожности, с которой организовали покушение. Так, значит, шерл был не просто похищен: его заменили искусной подделкой. Это помешало сразу вскрыть пропажу и поднять тревогу. Хороший был план, да жаль, не удался. Сколько теперь из-за этого пострадает людей... – У тебя сохранилось письмо заказчика?

– Конечно же, нет. – Стефан посмотрел на него как на ненормального. – Я все уничтожил, как и было велено в инструкции. Здравый смысл подсказывал, что хранить их глупо, да и просто опасно, раз дело связано с камнями лорда Ледума. Если не те люди найдут... Но и отказаться я не мог. Дали понять, что лучше бы мне этого не делать. Да и деньги были нужны позарез, очень нужны... Сам знаешь, с заказами у меня в последнее время не очень. Проклятая гильдия... Не оставляют одиночкам ни единого шанса!

Стефан возмущенно стукнул кулаком по стене и поморщился от боли.

Да уж. Мягко говоря, Себастьян был поражен. В первую

очередь тому, что Стефан вообще решился на такое дело. Связаться с лордом-защитником Ледума! Это вам не у рядовых магов мелкие камешки красть, хотя и за это порой можно поплатиться, если опыта не хватает. Но перейти дорожку знаменитому тирану, вот уже столько лет держащему город в жестком повиновении, растоптавшему все человеческие права!.. Для этого действительно нужно быть не от мира сего.

– На бандероли стояли какие-то штампы? Обратный адрес? Кто доставил ее? – Себастьян мягко вернул разговор в нужное русло, не давая Стефану отвлечься и запереться в жалости к себе. Иначе контакт будет потерян. И без того у товарища серьезно нарушена концентрация.

– Ничего не было. Мне передали ее через хозяина гостиницы, где я жил тогда. Я никого не видел. Ничего не слышал. Какие-нибудь особые метки, которые могли бы натолкнуть на мысли, догадки, также напрочь отсутствовали. Заказчик по-настоящему хорошо продумал это дело. Прости, Серафим, ничем больше не могу помочь.

– Нет, еще кое-чем можешь, – тихо возразил Себастьян. – Сколько времени заняло изготовление копии? Точнее, сколько времени прошло с момента получения бандероли до момента, когда ты сдал ключ?

– Ровно четырнадцать дней. Я запомнил, ведь как раз в тот день выходил срок погашения одного из моих долгов. Хорошо хоть успел отдать.

– Значит, две недели, – задумчиво протянул Себастьян. – Это довольно долго. Попробую узнать, кто арендовал ячейку в этот период. Какой номер?

– Попробуй, конечно. Но вряд ли из этого что-то выйдет. Номер девятнадцать – семьдесят один.

– Хорошо, Стефан. – Себастьян встал и направился к двери, которая была до сих пор открыта. – Тебе бы успокоиться, лечь да поспать немного. Прийти в себя. За деньги не беспокойся. Я оставлю сто пятьдесят золотых, на первое время должно хватить... Рад был повидаться, хоть и не в добрый час.

– Что ты сказал? – С необычной прытью Стефан вскочил с кровати и чуть не бегом бросился за ним. – Это еще зачем?

Себастьян смутился, но не отступил. Ну не мог он иначе.

– За ценную информацию. – Он отвел глаза. – И за беспокойство. Все имеет свою цену.

– Врешь, Серафим! Не смей... Не вздумай меня жалеть! – Стефан задохнулся от чувств. – Нет и еще раз нет. Никогда я не брал подачек. Сам как-нибудь справлюсь, и не такое случилось пережить. Не настолько уж я ничтожен... Ты мне веришь?

– Конечно, Стефан. – Себастьян улыбнулся и открыто посмотрел ему в лицо. – Я верю.

Сердце кольнуло: на миг показалось, что своим милосердием он унижает товарища еще больше. Но Себастьян действительно хотел верить, что у него получится выбраться из

непростой ситуации. Стефан упорный. Наверняка и раньше безденежье доводилось терпеть.

Однако дело тут серьезнее обычных проблем с деньгами: без инструмента свободному ювелиру не заработать и гроша. А стоит тот недешево, особенно в Ледуме, да и хорошего качества без цехового знака купить непросто. Если конфисковали все, Стефану придется собирать с самого начала, а список внушительный, потому что ювелиру требуется целый чемодан специфических приспособлений. Миниатюрные напильники разных профилей: плоские, квадратные, ромбические, трехгранные, круглые, овальные, ножеподобные, полукруглые, двусторонние. Такие же надфили. Набор пинцетов, щипцов, плоскогубцев и шаберов. Ножницы простые и спиц-ножницы. Фильерная доска. Изложница, вертикальная и горизонтальная. Молоточки. Различной формы зеркала. Ну и, конечно же, точные весы и высококлассная лупа минимум десятикратного увеличения. Хотя бы одна, для начала.

Это ювелиры из гильдии, имеющие в подчинении от одного до десятка огранщиков и подмастерьев, в зависимости от профессионализма и статуса, могут не думать о таких мелочах. Дал указания – и огранщики сделают всю черновую работу. А свободному ювелиру приходится быть универсальным и делать все – абсолютно все! – самому, причем безупречно.

Поэтому иногда нужно уметь смирить гордость и принять

искреннюю помощь вместо того, чтобы из принципа катиться по наклонной до самого дна. Из принципа – или из гордыни, которая является смертным грехом.

Стефан резко ссутулился и опустил голову, не в силах терпеть больше его взгляд. Кажется, все понимал не хуже Себастьяна, но как же трудно было признать собственное плачевное положение.

– Благодарю, Серафим, – просто сказал он, хоть и знал, что тот не требует благодарности. – Я этого не забуду.

Глава 8, *в которой получается снять напряжение, а главный герой любит дирижаблем*

Последние дни правитель Ледума пребывал в прескверном расположении духа.

Кристофер вынужден был все чаще являться для личных докладов и подробнейшего обсуждения переговоров на пороге грядущей войны.

Правители лояльных Ледуму городов не вызывали особых сложностей. Но немало было и тех, кто сомневался, чью желанную преданность еще предстояло заполучить. Взять силой, добыть хитростью или просто купить. Благо Ледум, известный своим богатством, мог предложить многое. Другое дело, лорд Эдвард не слишком любил добиваться своего золотом или уговорами. Можно было не сомневаться: в мирное время он жестоко припомнит таким союзничкам истинную цену их верности.

Молоко для церемониального омовения ступней постепенно остывало в золотой ванночке, так и не использованное по прямому назначению. Правитель был не в настроении, приближенные слуги – в очередной раз выставлены за

дверь. Кристофер и сам сейчас предпочел бы оказаться за массивной, обитой металлом дверью, вне этой комнаты, такой роскошной и одновременно такой страшной.

Но он, как и все здесь, не волен был выбирать и распоряжаться своей жизнью.

По правде говоря, дипломатическая переписка не входила в обязанности главы службы ювелиров. Это была совершенно не касающаяся ювелирики область, где работали другие люди, также большие профессионалы своего дела. Но они вели официально регистрируемую переписку; письма же, которые составлял Кристофер, обыкновенно сжигались немедленно после прочтения. То были тайные, опасные сообщения, не предназначенные для посторонних глаз. Или, как в случае с лордом Аманиты, эпистолы самого высокого уровня важности, за которые мог взяться только человек, удостоившийся личного доверия правителя.

Правитель Ледума умел грамотно использовать ресурсы. Кристофер был способен ко многому, и все способности нашли применение на государственной службе: ни одна не пропала даром.

– Мы закончили. – Голос лорда Эдварда был голосом человека, привыкшего повелевать. Он мог звучать по-разному: громко или тихо, строго или ласково, раздраженно или спокойно, – но каждое слово все равно казалось приказом, которого нельзя слушаться. Характерная интонация въелась в уверенный баритон так крепко, как пыль в страницы ста-

ринных книг, – уже ничем нельзя вытравить. Даже слепой, услышав этот не терпящий возражений голос, признал бы: перед ним человек, облеченный значительной властью. – На сегодня свободен.

Сам удивляясь своей смелости, вопреки распоряжению, Кристофер не двинулся с места и остался недвижно стоять навытяжку перед своим высочайшим повелителем.

– Милорд, тягостные события последних дней, должно быть, утомили вас, – не спеша, с умеренным подобострастием проговорил он.

Льстить – очень тонкое искусство. Это как в кулинарии: стоит чуть-чуть отойти от пропорций, и самое чудное блюдо уже безнадежно испорчено. В общении с теми, от кого зависит твоя жизнь, еще сложнее: нет книг, нет проверенных рецептов, нет никакой однозначности... Все определяется опытным путем.

Итак, надобно ровно столько подобострастия, чтобы усладить требовательный слух правителя, не вызывая раздражения излишней приторностью, чем грешат многие придворные-подхалимы.

– Правитель совсем не дает себе отдыха, в самоотверженных мыслях о нуждах и заботах подданных забывая о собственном благополучии, – замирая от страха, продолжил Кристофер. – Ледум не мог бы и мечтать о лучшем лорде-защитнике. Мне, как и многим, невыносимо видеть вас в таком состоянии... Непростительно будет... оставить вас одного в

тяготах... Оставить вас в утомлении.

Лорд Эдвард сощурил глаза и смерил Кристофера тяжелым оценивающим взглядом. По собственной инициативе начинать разговор с лордом Ледума после того, как тот совершенно однозначно его закончил? Неслыханная, невероятная дерзость.

Но хуже того, в бесстыжих словах крылась тошнотворная доля истины: правитель действительно чувствовал усталость. Смерть младшего сына, предательство старшего, загадочное покушение на него самого и замаячившая на горизонте перспектива близкой непростой войны – все это давало мало поводов для радости. С момента покушения лорд Эдвард не расставался с «Властелином», что только усугубляло утомление.

– Простите мне мою докучливость, милорд... – Под пристальным взглядом горло мгновенно пересохло. Темные глаза правителя были похожи на угли, в которых в любой миг может вспыхнуть опасное пламя. Кристофер перевел дух и чуть понизил голос, ибо тот выдавал его с головой, звеня от напряжения, как перетянутая струна. – Но она вызвана одним только беспокойством. Лучше понести наказание, чем в трудный час проявить равнодушие к своему господину. Разумеется, я не смею и мечтать о благосклонности, но... если позволите, я буду счастлив угодить.

Лорд Эдвард небрежно откинулся на спинку низкого бархатного диванчика и вытянул ноги, приняв гораздо менее

формальную позу. Кристофер уловил иное выражение в его глазах – пренебрежительное, лениво-циничное. Взгляд правителя был подобен змеиному: матовые, полуприкрытые веками глаза кобры, откровенно скучающей, слишком сытой для броска. «Чем ты можешь меня удивить, мальчик? – почти читалось в них. – Ну что ж... попробуй, если осмелишься».

Кристофер, однако, был уже не юноша, но молодой мужчина, многого достигший за короткое время. Должно быть, поначалу не последнюю роль в этом сыграла внешность. Для лорда Эдварда, как и для многих, рожденных в Ледуме во времена его правления, красота являлась абсолютом. Красота не имела ни пола, ни возраста: человек был либо красив, либо нет – только это имело значение.

Кристофер же обладал редкой, по-настоящему аристократической красотой. Он происходил из одной из древнейших благородных семей Ледума, и о чистоте его крови говорили безукоризненно черный цвет волос, яркий и насыщенный, и светлая, похожая на дорогой фарфор кожа.

Классический черный цвет волос считался в Бреонии эталоном – выше него находился только чистый белый, который встречался необыкновенно редко: один на тысячу черноволосых. Прочие – темно-коричневые, каштановые, русые, серые, пепельные, золотистые, их смеси и вариации – считались нечистыми, и тем хуже, чем дальше они уходили от идеала. Наибольшие предрассудки люди испытывали к ры-

жим: бытовало поверье, будто в их жилах течет ядовитая кровь оборотней, силфов или иной лесной нечисти.

Получив молчаливое разрешение остаться, кончиками пальцев Кристофер чуть тронул молоко, белевшее в ванночке для омовения: оно успело остыть до состояния освежающей прохлады. Однако сие совершенно не годилось. Требовалось расслабляющее тепло, а потому Кристофер мысленно задал все нужные условия. Висевший на шее медальон с синим корундом немедленно выполнил команду. Сам минерал был небольшим, зато цвет – безупречным: бархатисто-васильковый, умеренной интенсивности, что позволяло ценить его на порядок выше темных аналогов.

Виски немедленно отозвались глухой болью: в поздний час лорд Эдвард был без «Властелина», однако на пальцах величаво сияли платиной белые перстни с алмазами. Камни пропустили импульс, но вернули Кристоферу рожденное им возмущение энергетического пространства. Неизбежный побочный эффект.

Совершать магические воздействия рядом с хозяином алмазов было себе дороже: блокировал тот или нет, камни всегда отзеркаливали искажение поля, стремясь возвратить энергию в первоначальное состояние. Сложное и энергозатратное преобразование вполне могло кончиться плачевно. Тем не менее, несмотря на зримые преимущества алмазов, немногие маги успешно пользовались этими своенравными камнями, а среди правителей предпочтение им – и почти ис-

ключительно им – отдавал только лорд Эдвард. За это он именовался, естественно, за глаза, Алмазным лордом, а сам Ледум – ледяным алмазом севера.

Но это было простенькое преобразование: необходимые расчеты пронеслись в голове у Кристофера в один миг, и сапфир моментально исполнил мысленную команду. Внешне ничего не поменялось, но молочная ванночка вновь стала теплой, самой комфортной температуры.

Кристофер погасил голубой электрический свет, щелчком пальцев зажигая более подходящие случаю свечи. Бросив в курящиеся благовония щепотку принесенного с собой светло-коричневого порошка, он опустился на колени и высыпал в молоко горсть свежих лепестков. Розы, пионы, малиновые азалии – цветы вызывающе яркими хлопьями поплыли в непорочной и благостной белизне. Аромат их немедленно усилился. Тонкой струей незаметно вливался в него дымок опиума, любимого Кристофером и модного нынче в высшем обществе Ледума.

Воздух становился сладок – сладок, как патока, – и загустевал прямо на глазах. Воздух пах ванилью и медом так сильно, что его было больно вдыхать: казалось, легкие вот-вот разорвутся. Пальцы предательски дрожали, но Кристофер велел себе успокоиться и, смирив взволнованное дыхание, аккуратно снял с ног правителя туфли из мягкой цветной кожи. Прикосновение это было сродни прикосновению к божеству, отозвавшись нутряной, неподвластной никакому

контролю дрожью. Взяв в руки большую морскую раковину, блестящую от лака и просвечивающую лишь легким дыханием цвета, Кристофер принялся осторожно лить на ступни теплое молоко.

Завершив церемониальное омовение, аккуратно промокнул влагу шелковым полотенцем, убрал налипшие мокрые лепестки и нанес на кожу смесь ароматных масел. Мышцы лорда Эдварда все еще хранили остаточное напряжение, но то был естественный тонус. Правитель находился в превосходной физической форме, и многие только дивились, как ему это удастся. При мысли о сокрытой в рельефах мышц силе Кристофер почувствовал, как горло невольно перехватило, будто ремнем, и глубоко внутри что-то тревожно заняло.

Бледные губы лорда чуть тронула заветная краска удовольствия. Кристофер знал толк в наслаждениях. Да, он был способным и в этом тоже.

Глава службы ювелиров частенько бывал в одном из закрытых клубов для развлечений элиты и не тратил там время даром. Касания кончиков пальцев были нежными и приятными, более разнообразными, чем у иных профессионалов, а нервное совершенство кистей и запястий обещало нечто заманчиво большее. Преданно заглядывая правителю в глаза, безмолвно спрашивая позволения, Кристофер прикоснулся губами к узким ступням, трепетно и страстно. Так фанатики целуют святыню. Вся его поза выражала покорность и желание повиноваться.

Наверное, вместо него у своих ног лорд Эдвард предпочел бы увидеть сейчас Октавиана Второго Севира. Новый лорд Аманыты успел крепко досадить за непродолжительное время своего правления. Лорд Эдвард сильно раздражен: должно быть, тяжелые мысли его вновь и вновь возвращаются к причине и ненавистному объекту этого раздражения.

Октавиан был лишь немногим старше самого Кристофера: в день церемонии, если она состоится, правителю Аманыты сравняется тридцать лет. Возраст, которому прощается все. Возраст, в котором все возможно: еще достаточно молод, чтобы позволить себе быть решительным, категоричным и непреклонным, и уже достаточно опытен, чтобы не совершить совсем уж глупых ошибок.

Несомненно, Октавиану повезло: он пришел на все готовое. Однако предприимчивый юноша не просто довольствовался дарами судьбы, но и по мере возможности активно приумножал их. Октавиан оказался талантливым магом, одаренным не только способностями, но и любознательностью, терпением и готовностью работать, в том числе и особенно – над собой. Мастерство его уже успело раскрыться: он овладел не только традиционными, но и многими секретными продвинутыми техниками, принятыми в доме Севиров, и даже занимался какими-то новаторскими исследованиями природы минералов.

Что ж, не исключено, что Октавиан окажется достойным или даже опасным противником, – но все же этого недоста-

точно, чтобы противостоять силе и опыту самого правителя Ледума. Кристофер ни секунду не сомневался: рано или поздно нахальный мальчишка будет поставлен на место и окажется у лорда Эдварда в руках. И совсем этому не обрадуется.

Возможно, действительно настала пора прервать затянувшуюся двусмысленную ситуацию с разными столицами. Зная характер лорда Эдварда, Кристофер не удивился его радикальному решению: настал лучший момент указать Аманите, что ее время прошло.

Неповторимое ощущение покоя затопило и тело, и сознание. Славно, очень славно. Вдыхание эфирных масел, чувственных наркотических благовоний погружало в глубокое расслабление, а присутствующие в составе афродизиаки пьянили и туманили взор, рождая желания и фантазии, все более и более смелые. Лорд Ледума, кажется, также наконец сумел отвлечься от своих привязчивых дум и утонуть в том, что происходило здесь и сейчас.

И когда Кристофер вновь поднял на него подернутые поволокой глаза, глядя снизу вверх с выражением, которое ни с чем нельзя было спутать, лорд Эдвард без лишних слов кивнул ему.

* * *

И все равно не вязалось.

Что-то было не так, найденных кусков мозаики явно не хватало, чтобы сложиться в более-менее понятную картинку. Если украденный шерл заменили на копию, почему же ее не нашли сразу после убийства? Кристофер ничего не сказал о ней, а эта информация могла бы помочь в поисках. Или глава службы ювелиров попросту решил, что это не его ума дело?

Еще вопрос: почему погибший сын лорда схватил чужой подлинный перстень, не удовлетворившись подделкой? Судя по тому, что знал Себастьян, Эдгар едва ли мог отличить настоящий камень от искусственного. Неужели его погубила – а лорда спасла – случайная ошибка? Если же Эдгар и в самом деле заподозрил подвох, почему не сообщил отцу?

– Простите, сэр, но эта информация строго конфиденциальна, – чинно ответил служащий – пожилой, начинающий лысеть мужчина.

Себастьян молча отогнул край воротника, непринужденно демонстрируя не раз выручавшую серебряную змею. Он ничего не собирался объяснять: знак инквизитора сам говорит за себя. Конечно, рискованно вот так, в многолюдном помещении городского вокзала, разыгрывать подобный спектакль, но смелость, как известно, уже половина успеха. И вообще, прятаться лучше всего на виду, это каждый знает.

Однако частенько он в последнее время эксплуатировал образ инквизитора. Как бы не привлечь внимание настоящих работников святой службы, не пустить по своему следу свору

ПСОВ.

– Но, конечно, она не под грифом «Совершенно секретно», – уже уступчивее проговорил мужчина, внимательно вглядываясь в лицо Себастьяна, будто пытаясь запомнить каждую черту. – Одну минуту, сейчас же посмотрю в регистрационной книге.

Ювелир не проронил ни звука, являя совершенное напускное безразличие к происходящему вокруг. Мельтешили люди, приезжающие, уезжающие, провожающие, опаздывающие. Лениво поглядывая по сторонам, вальяжно прогуливались охранники. В углу сидела парочка профессиональных нищих, отстегивающих администрации процент с выручки за возможность попрошайничать в таком хлебном месте. Впрочем, сидели они тихо, культурно и никому не мешали. Торговцы наркотиками мастерски сливались с общей массой, как невзрачные хищные рыбы, плотоядно выискивая потенциальных клиентов. Опытный взгляд Себастьяна безошибочно определял такой контингент. Их товар, самого низкого сорта и качества, был опасен для здоровья и порой даже жизни: от употребления грязного нерафинированного сырья, да еще и с примесями непонятного происхождения, нередко случались смертельные исходы. Зато дешевизна манила и неминуемо помогала находить своего покупателя. Особенно среди приезжих из некрупных городов попадалось много неискушенных, у которых от здешних соблазнов и небывалых вольностей разбегались глаза и ослабевало

чувство опасности.

Ледум был городом самых современных нравов, отвергающим косность, не знающим ограничений и запретов. Здесь разрешалось все, с чего шел налог в казну. Деньги имели первостепенную важность и давали доступ к любым удовольствиям жизни. Приезжие валом валили в северный полис, мечтая окунуться в атмосферу вседозволенности и острых ощущений, кто-то на время, а кто-то – надеясь зацепиться и остаться здесь навсегда. Но не все мечты сбываются, по крайней мере, в том виде, в каком представлялись изначально. Город затягивал, как хищная воронка водоворота, и выбраться на поверхность удавалось только действительно сильным пловцам.

Себастьян с сожалением поглядел на пестрый рядок откровенно одетых молодых людей, обреченно прислонившихся к грязной стенке у самого входа. Вокзальные проститутки обоих полов, некоторые совсем юные, почти дети, – самый низший сорт торговцев собственным телом. Свободная любовь – часть официальной идеологии Ледума – привлекала многих. Но не все рассчитали свои силы. Жадный, ненасытный молох города проглотил их, пережевал и выплюнул, даже не заметив, как под стальными жвалами хрустнули и сломались хрупкие человеческие судьбы...

Давнее противостояние между главными городами Бреонии – Аманитой и Ледумом, который многие называли второй столицей, – базировалось в том числе и на вопросах

общественной морали. В Аманите чтили традиции, старые нормы и понятия о чести, строгий культ семьи. Церковь сохранила там свое последнее прибежище и до сих пор в обязательном порядке освящала браки, узы которых по-прежнему считались нерушимыми. Разводы и измены были недопустимы. Общественное мнение зорко следило за нравственными устоями, оберегая их от падения, и жестоко порицало все, что хоть как-то ему противоречило.

В Ледуме смеялись над церемонностью и чопорностью столицы, называя жителей пуританами, а в Аманите, в свою очередь, презрительно именовали Ледум городом греха.

На самом же деле то были только знамена, пафосные символы противоположностей. Костры, ярко горящие в ночи и манящие орды глупых мотыльков. Охотясь за камнями, Себастьян регулярно посещал обе столицы и провел там достаточно времени, чтобы изучить досконально. Все было не так однозначно: и в одном, и в другом случае исключения из правил тщательно скрывались за внешним фасадом.

Выбор тут – дело вкуса, не более.

– Вот, нашел, – наконец-то сообщил служащий. – Некто господин Стефан, прибывал к нам из Аманиты на две недели, на этот срок арендовал багажную ячейку.

Себастьян чуть было не расхохотался ему в лицо. Логично, ничего не скажешь. Максимально честный ответ. А чего он, собственно, ожидал? Что преступник любезно оставит ему имя и координаты, а лучше – сам украденный шерл? В

этот раз не повезло.

– Благодарю за содействие, – без лишних эмоций ювелир отчеканил условную фразу и отвернулся, намереваясь уйти.

– Одну минуту, господин инквизитор, – неожиданно окликнул его служащий. – Я хотел бы записать номер вашей фибулы, если не возражаете.

– Разумеется, – совершенно спокойно отозвался Себастьян, внутренне на чем свет стоит костеря себя за непростительную медлительность, грозящую ненужными осложнениями.

Стоило исчезнуть незаметно, пока служащий не опомнится. Но сейчас ничего не попишешь – отказать он не мог. Инквизиция проявляла пытливей интерес к действиям своих адептов и строго контролировала каждого. Поэтому всякий гражданин мог попросить номер фибулы, чтобы сообщить в городское отделение, если возникли хоть какие-то сомнения в правомерности действий святой службы.

Надо же, какие сознательные работники городского вокзала: бдят, не зная отдыха! Мало им как будто повседневных забот. Местные инквизиторы, несомненно, заинтересуются фактом нелегального использования служебных полномочий давно умершего собрата и начнут, а вернее, возобновят старое расследование.

Этого только не хватало.

Ювелир грустно покачал головой, выходя на привокзальную площадь, и глубоко вдохнул тяжелый влажный воздух.

Придется, видимо, распрощаться с приметной фибулой, не раз выручавшей в трудную минуту. И так тянул до последнего: однажды она уже засветилась здесь, в Ледуме, когда ему вот так же потребовалось незаконно добыть некоторые сведения. Большим риском было вновь использовать ее. Мало того, что проявил неосмотрительность, необоснованную беспечность, так вдобавок снова ничего не выяснил.

Как-то несчастливо начинается дело с шерлом.

Себастьян с сожалением отцепил фибулу и незаметно выбросил в одну из больших урн для мусора. Вряд ли кто-нибудь найдет ее здесь.

Дождь наконец прекратился, и наступило практически полное безветрие. Это было очень кстати: в Ледум как раз прибывал крупный торговый дирижабль. Сигарообразный воздушный корабль величаво плыл в сером небе – зримый символ прогресса и развития воздухоплавания. Зависнув над местом посадки, дирижабль начал медленно терять высоту. Снижался он практически вертикально – сразу видно, команда опытная. Ожидавшие внизу работники вокзала готовились принять и привязать к причальным мачтам сброшенные канаты, чтобы потом притянуть воздушное судно как можно ближе к земле для разгрузки и последующей погрузки товара.

Наблюдение за исполинским кораблем, легко и изящно парящим в небесах, естественным образом умиротворяло. Себастьян, как мальчишка, любил дирижабли и воздушные

путешествия. Медлительность и плавность хода расслабляли беспокойный ум. Длительные перелеты измерялись неделями, за это время Сильф успевал полностью восстановиться и напитаться своей стихией – энергией чистого воздуха за пределами городов.

Себастьян любовался синхронными, слаженными действиями людей, прокручивая в голове и без жалости отбрасывая варианты дальнейших действий. Все они оказались непригодными.

Время шло, а дело только запутывалось и усложнялось.

Глава 9, *в которой раскрываются сомнительные прелести долгой заклЯтой дружбы*

Узкая дверь камеры отворилась беззвучно.

ОдинокИЙ посетитель вошел внутрь и нарочито неторопливо, против своего обыкновения, начал спускаться по выточеннЫм в камне многочисленнЫм ступеням, с завидной методичностью ставя ногу на каждую. Гулкое эхо немедленно увязалось следом, прыгая по лестнице, дурачась и беспорядочно отражаясь от поверхностей пола и стен. Сама камера была просторной, теплой и сухой, но уж очень темной – с единственнЫм крохотнЫм решетчатЫм оконцем в углу под самым потолком.

Тишина, царящая здесь двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю, разбилась, разделилась на до и после: вошедший без жалости резал ее ножами каблуков, как переспевшую, готовую вот-вот треснуть дыню.

Свернувшийся на нарах узник лениво пошевелился, расправил ноги и встал – чтобы немедленно растянуться ниц. Но почему-то в этом движении совсем не ощущалось смирения, страха или хотя бы почтительности: не преклонение,

а скорее гимнастическое упражнение, выполненное, однако, с завораживающей грацией.

Мужчина выглядел аскетично: из одежды – только пара коротких, до колена, потертых штанов. Крепкое жилистое тело оставалось почти неприкрытым, правильной формы мускулы мягко перекатывались под кожей. Длинные темные волосы, щедро сбрызнутые ранней, неяркой серостью седины, были туго заплетены в причудливые, но подчеркнута акkuratные узлы косицы.

Широкую спину заключенного полностью покрывала татуировка: затейливый узор тянулся от левого плеча до поясицы. При внимательном рассмотрении сложная вязь отдельных черт складывалась в оскалившего пасть вервольфа – ритуальный, имеющий сакральный смысл рисунок.

Этого матерого, впечатляющего мощью волчару укрывало нежное кружево причудливо сплетающихся шрамов различного происхождения: были здесь и небольшие отметины от пуль, и четкие узкие следы лезвий, и зажившие рваные раны от когтей или клыков, и рубцы от неудачных падений.

А поверх всего этого великолепия – змеящиеся длинные метки, которые оставил кнут.

– Да по тебе часы можно сверять, Эдвард... лорд Эдвард, – поправился мужчина быстро, но без излишней поспешности: знал, что последует за дерзостью, и попросту не желал лишний раз напрашиваться на неприятности. Голос узника был спокоен и глубок, однако не лишен некоторой язвительности

и природной резкости звучания.

– А ты все ждешь, что однажды я не приду, Шарло? – ласково улыбнулся в ответ правитель, сложив руки на груди. Он наконец спустился и остановился прямо перед заключенным, по-прежнему неподвижно распростертым на полу.

Эхо затихло.

– А как же. Все надеюсь, милорд, что рано или поздно кто-то свернет тебе шею. – Узник встал на колени, не рискуя поднимать глаза выше ног правителя. Его запястья были скованы сразу двумя парами кандалов: одни обыкновенные – тяжеленные железные кольца, скрепленные прочной массивной цепью, – и пара тонких и изящных браслетов-наручников на блестящей серебряной цепочке. Причем вторые доставляли куда больше неудобств и проблем, сделанные из пресловутого сплава «Люкс», лишаящего мага силы. – Но надежда, похоже, действительно глупое чувство.

– Ты бессовестно лжешь, Шарло, – возразил лорд Эдвард, со странным удовлетворением разглядывая пленника и продолжая неприятно улыбаться, улыбкой жестокой и такой острой, что ей можно было вскрыть горло, как бритвой. – Мои визиты – единственное, что осталось в твоей реальности, в твоём жалком существовании. Ты ждешь их с нетерпением и считаешь томительные часы, а может, и минуты, чтобы не свихнуться окончательно в этом каменном мешке, во тьме и одиночестве. Убежден, за прошедшие долгие годы ты успел полюбить меня, ведь один только я проведываю те-

бя здесь, как заботливая бабушка, каждые две недели.

– Так жаждешь моей любви? – в тон усмехнулся Карл, не обращая внимание на оскорбительную привычку правителя называть его уменьшительно-ласкательным вариантом имени. В свою очередь, узник и сам частенько опускал высокое титулование, так что в этой игре они были квиты. – Тогда дело совсем плохо. Впрочем, ненависть и вправду сложно бывает отличить от любви.

– Если отнять мое блестящее общество, твоя жизнь станет совершенно пустым, мучительным бременем. Я ведь обещал тебе ад на земле. Не знаю, как он выглядит на самом деле, если вообще существует, но мне кажется, это что-то подобное.

– Уж кто-кто, а ты совершенно точно узнаешь, как выглядит ад, – зловеще посулил узник. – Не сомневайся, однажды кто-нибудь отправит тебя туда на экскурсию в один конец.

– И почему те, кто ненавидит, всегда желают смерти? – Лорд Эдвард в недоумении качнул головой. – Смерть – всего лишь миг, который зачастую даже не осознается. Мои враги могут только мечтать и просить о смерти – такую милость я оказываю избранным, в основном своим глупым оступившимся детям. Смерть – не наказание. Наказание должно длиться как можно дольше и в идеале приводить к раскаянию... Хотя нет, в настолько утопичные идеи я не верю.

– Не сомневаюсь.

– В твоем случае наказание будет сопоставимо по времени с вечностью. Не думай, что после моей смерти что-то изме-

нится и новый лорд освободит тебя. Никто и не подозревает, что ты все еще жив, ни в каких списках ты не числишься. Ты даже не сидишь в тюрьме. И в тот день, когда я все-таки не приду, ты познаешь, что такое настоящая тоска и безысходность. Ты погрузишься в пучину беспросветного отчаяния и вскоре окончательно сойдешь с ума. От тебя и сейчас веет безумием, Шарло. Понимаю, понимаю: в сложившихся условиях трудно сохранить рассудок ясным, даже если воля тверда, как алмаз.

В ответ на недоброе пророчество Карл лишь саркастически хмыкнул, впрочем, не производя впечатление помешанного. Правитель успел хорошо изучить характер узника: природный оптимизм помогал тому справляться с самыми тяжелыми временами и, пожалуй, искренне верить, что однажды что-то изменится к лучшему.

– Тебя не проведешь, мой сиятельный лорд, – пренебрежительно откликнулся Карл. – За столько-то лет пора бы и научиться разбираться в человеческих душах, не так ли? Но я тоже поднаторел в этом. И если я лгу тебе, как ты уверяешь, задумайся, кому лжешь ты сам? Не самому ли себе?

– О чем ты болтаешь, Шарло? – не понял лорд Эдвард.

– Я нужен тебе не меньше – а может, и больше, – чем ты мне. Твоя вершина недостижимо высока – и одинока. Стандартная плата за власть, стремящуюся к абсолюту. Но знаешь ли... ограниченность обречена бесконечно стремиться к абсолюту. Ты окружен людьми, но с кем из них ты можешь

говорить? Не приказать, не унижить, не обругать, не напугать до полусмерти? Не услышать в ответ одно лишь раболепное, давно набившее оскомину «Слушаюсь, милорд», «Будет исполнено, милорд»?

Последние слова Карл произнес нарочно заискивающе, передразнивая угодливую, приторную подобострастность придворных. Лорд Эдвард поморщился, словно съел что-то кислое, но в этот раз промолчал.

– Ты изнурен дотошным поклонением, – со смешком продолжал заключенный. – Тебе все хуже горькой полыни осточертели... Не так ли? Только со мною ты позволяешь себе откровенность. И ты приходишь, потому что больше идти некуда. Ты даровал все возможные свободы, легализовал все пороки, но люди так и остались рабами. Впрочем, на то и был расчет: вседозволенность ограничивает больше, чем манящие, будоражащие запреты, которые так и хочется нарушить. Ты прав, наверняка я буду горько сожалеть, если однажды ты не явишься. Но это потом. А сначала я буду ликовать: упиваться мыслями о твоей смерти и представлять в красках, *как* именно это произошло. В этот день я буду самым счастливым человеком в Бреонии...

– Ты хотел сказать, оборотнем? – колко уточнил лорд Эдвард, одним лаконичным ударом прерывая поток мечтаний. Неуместных, несбыточных мечтаний.

– Именно, – помрачнел Карл, тяжело возвращаясь на грешную землю. – Однако, благодаря твоим стараниям, я

уже и думать забыл о своей второй ипостаси.

Тем временем правитель придирчиво обводил помещение взглядом, проверяя работоспособность магических заклятий, поправляя кое-где ослабевшие. По периметру камеры, так, чтобы узник не мог до них добраться, были зафиксированы драгоценные камни, удерживающие его сущность в неизменном состоянии.

– Если недоволен, могу закрепить тебя в ней. Скучаешь по когтям и шерсти, Шарло? Ну, посидишь на цепи год-другой, глядишь, снова захочется быть человеком.

– Делай что хочешь, пока я в твоём распоряжении, – равнодушно пожал плечами тот. – Кто знает, как все обернется. А пока развлекайся.

Лорд Эдвард беззлобно рассмеялся. Однако твердости характера Карла нельзя было не признать. Немалая душевная сила оставила зримые следы на его лице – следы размышлений, тревог и сомнений... принятых с кровью решений. Слишком резкие черты, жесткие характерные складки.

– Когда же ты потеряешь свой оптимизм, Шарло? – Правитель рассматривал пленника с каким-то естественнонаучным интересом, как лабораторную крыску. – Как наполовину зверь, ты должен был давно утратить нерациональное человеческое чувство – надежду. Но ее из тебя ничем не получается выбить.

– Ты прекрасно знаешь, что во мне доминирует человеческая природа, а не звериная.

– И тем не менее ты не человек. Или лучше сказать – недочеловек. – Лорд Эдвард желчно усмехнулся, отбрасывая маску доброжелательности. – Ты предал человеческий род за возможность пробуждения иррационального, за возможность уходить в обратный мир – мир с обратной организацией пространства и времени. Для людей ты навеки стал чудовищем. Кстати, если забыл, могу напомнить, когда ты последний раз примерял свою хвостатую ипостась. Тридцать четыре года назад, в тот самый день, когда я собственноручно казнил своего сына. Я казнил его из-за тебя, а ты в это время пытался трусливо удрать из города, смекнув, что переворот не удался.

– Нет, Эдвард, – насмешливо возразил Карл, ощерив клыки, которые даже сейчас очевидно превышали размер и остроту человеческих, – ты казнил своего сына вовсе не из-за меня. А из-за того, что тот был мерзавцем и властолюбцем и захотел прикончить тебя, грезя о титуле лорда. Он заслуживал смерти.

– Но ты же не станешь отрицать, по крайней мере, что именно ты надумил его и любезно взял на себя все хлопоты по организации заговора? – На сей раз лорд Эдвард пропустил мимо ушей панибратское обращение, хотя, безусловно, заметил, как его попытались слабо куснуть.

Глупый ручной оборотень все никак не отвыкнет кусаться.

– Не стану, – охотно согласился Карл. – В какой-то мере

я даже горжусь, что участвовал в той давней аванюре, пусть она и не удалась. Славные были деньки, славные люди. Ты ведь и сам наверняка вспоминаешь ушедшие времена? Когда вокруг еще были люди, которые позволяли себе мыслить.

– Мыслители зашли слишком далеко и превратились в преступников и заговорщиков, – отрезал правитель. – Но довольно об этом. Предадимся ностальгии в следующий раз. Благо времени предостаточно.

– Да... вижу, сегодня ты пришел не только поиздеваться и отточить язык, вспоминая о прошлом. Волны твоей ауры – холоднее, невыносимее обычного. Еще немного, и они изранят даже мое физическое тело. Ментально я уже чувствую боль. Что случилось?

– Ты все такой же блестящий интуит, как и прежде, Шарло, – вынужден был признать лорд Эдвард. – На это я и рассчитывал. Не буду томить тебя – посмотри сам.

Получив позволение, Карл медленно поднял голову и устремил на правителя жесткий застывший взгляд. Глаза его были мраморными: желтый, зеленый и коричневый цвета расползались кляксами в радужках, проникая друг в друга, чуть расплываясь на витиеватых, неровных границах. Подобное крапчатое распределение цвета считалось для человеческой расы пороком, признаком дурной крови, хотя после долгих лет практики встречалось у некоторых магов и звалось глазами цвета драгоценных камней. Несмотря на слабое, практически отсутствующее освещение, зрачки были

стянуты в тонкие, едва видимые вертикальные черточки.

Нехорошие, опасные глаза.

Узник жадно взгляделся в стоявшего перед ним правителя. Волевые, хищно заостренные черты лица расправились и осветились удивлением. Он будто смотрел внутрь: не на человека, а на вибрации энергетики, на окраски силы, по которым можно понять многое.

Кажется, удовлетворившись, Карл обратил внимание и на очевидные внешние признаки. Заметил, конечно же, непривычно короткие белые волосы, но на удивление не ляпнул ничего ехидного.

Для сегодняшнего визита лорд Эдвард предпочел не привлекающий излишнего внимания темный дорожный плащ, простые одежды траурных цветов и высокие сапоги со штиблетами. Помимо стандартного набора перстней на предплечьях были защелкнуты боевые алмазные наручи с выгравированными на них трехлепестными лилиями. За поясом – приятная тяжесть массивного дисциплинарного кнута, которым при желании и должном мастерстве можно убить с одного удара. У левого бедра на богато украшенной перевязи – легкий, чуть изогнутый меч.

Карл, как и многие, помнил этот великолепный клинок со сложной узорчатой гравировкой на лезвии – легендарный меч-призрак. Он пришел из тех давних времен, когда не было еще изобретено огнестрельное оружие и умение фехтовать требовалось каждому, чтобы выжить. Из тех давних,

растворившихся в человеческой памяти времен, что и сам лорд Ледума. Конечно, сейчас меч представляет собой скорее элемент декора, нежели подлинное оружие. Хотя, чем черт не шутит, иногда и его приходится пускать в ход.

Иными словами, облик лорда-защитника Ледума являл собой вид опытного боевого мага в состоянии полной готовности. Давненько же такого не видели.

– Тебя пытались убить, Алмазный лорд. Но, похоже, первоклассные защитные камни отвели от тебя беду – за тебя умер другой человек... одной с тобой крови. Твой младший сын. Но и старший, судя по всему, готовится пополнить главную достопримечательность Ледума – фамильное кладбище инфантов. Подозреваешь его?

Лорд Эдвард отрицательно покачал головой, пропустив неудачную шутку.

– Не думаю, – поджал губы правитель. – Эдмунд слишком труслив для того, чтобы предать меня. Слишком слаб, слишком бездарен – и понимает это. Он не самоубийца.

– Несомненно. Но Эдмунд и не глупец. Он знает, что обладает преимущественным правом на престол, но вряд ли когда-то дождетя его. Я вижу, совесть его нечиста. Он боится, боится наказания.

– Все так. Это потому, что инфант скрыл от следствия некоторые важные факты... Утаил то, что обязан был сказать. Ответ лучше, как совершили покушение? Кто стоит за ним?

Карл еще ненадолго задумался, не отрывая от лорда-защитника Ледума своих неподвижных глаз. Янтарные оттенки стали совсем яркими, пятнисто светясь в полумраке, что выглядело, мягко говоря, жутковато. Любого нормального человека мороз бы продрал, потому как сразу становилось понятно: перед ним нелюдь.

– Не вижу, – сказал наконец Карл, устало прикрыв веки. Призрачное сияние радужек померкло. – Это было что-то особенное. То, чего нельзя ожидать. То, что не оставляет следов.

– Как если бы для убийства использовали шерл? – нетерпеливо подсказал лорд Эдвард.

– Шерл? Не может быть! Вот оно как обернулось... – с большой долей скепсиса протянул узник, что-то прикидывая. – Трудно, но, в принципе, возможно.

– Это все, что ты можешь сказать? – в тоне правителя появились тяжелые, дурные нотки. – Если не понял, Карл, я интересуюсь не из пустого любопытства.

– Догадался уж. – Карл ощутимо напрягся, услышав, что его назвали полным именем: это означало, что игры кончились. Такая перемена в настроении не могла не напугать пленника, хоть тот и постарался скрыть постыдный страх. Лишь в голосе чуть-чуть отдалось раскатистое утробное рычание, как отзвук далекой нестрашной грозы.

– Мне нужны ответы.

– Прости меня, лорд. Все отпечатки, все следы тщательно

затерты. Работал мастер высокого класса.

Оборотень был прекрасно осведомлен, почему до сих пор жив. Конечно, не из-за желания лорда Эдварда таким прихотливым образом отомстить за смерть сына или организацию давнего заговора. Карл обладал не только редкими знаниями, которые потихоньку и с большим трудом, но все же удавалось вытянуть, но и редчайшими, поистине уникальными навыками, которые нельзя было отобрать, но зато можно использовать. Правитель Ледума привык уважительно относиться к такому набору ума и способностей, а потому высоко ценил своего пленника, который отнюдь не всегда был таким своеобразным.

Родился Карл человеком, с обыкновенными, ничем не примечательными карими глазами, но с живым умом и талантом работать с минералами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.